

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СО-
ВЕТСКОГО ФОНДА КУЛЬ-
ТУРЫ

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ПИ-
САТЕЛЬСКАЯ ОРГАНИЗА-
ЦИЯ

ОМСКОЕ БЮРО
ПРОПАГАНДЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Вестник Культуры

Пресс-бюллетень,
1991 г., № 1

Храмы Омска

Никольская войсковая казачья церковь

По свидетельству Сулоцкого А.И. (1812-1884гг.) первым вопрос о строительстве храма для казачьего войска поднял Алексей Максимович Лукин — временно командовавший (к. 1820 — нач. 1830-х гг.) Сибирским казачьим войском. 24 апреля 1829 года он писал в войсковую канцелярию: «... в г. Омске находится очень довольно людей воинского сословия; но, к крайнему сожалению, церковей Божиих состоит в столь

Селе. Так же В. П. Стасовым были созданы 125 образцовых проектов для частных построек в провинциальных городах России, утвержденные в 1811 году.

В 1826 году академик архитектуры Стасов создает проект: «Фасад и план предполагаемой Церкви во Имя Святого Николая Чудотворца» для Санкт-Петербурга. Западный фасад здания церкви на рисунке В. П. Стасова идеально отвечает принципам сти-

Церковь на рисунке Стасова не имеет трапезной и колокольни и незначительно отличается в решении основного объема, но проекта Омского храма, к сожалению, обнаружить не удалось. Однако это не дает права отрицать авторство В.П. Стасова, так как идея данного архитектурного решения принадлежит именно ему.

Авторство В.П. Стасова подтверждают и материалы Омского государственного архива, в кото-

Никольский казачий собор. Фото 1900-х гг. (ГОИЛ музей).

Кровных коней запрягайте в дровни!
Графские вина пейте из лужи!
Единодержцы штыков и душ!
Распродавайте — на вес — часовни,
Монастыри — с молотка — на слом.
Рвитесь на лошади в божий дом!
Перепивайтесь кровавым пойлом!

М. Цветаева

Более 150 лет существует Омский Никольский казачий собор, признанный памятником архитектуры. Но его история еще не освещалась достаточно полно. Дело не шло далее бессмысленных споров: «церковь» это или «собор»? Хотя ответ очень прост: для Омска — это церковь, для Сибирского казачьего войска — главный храм — собор.

Историю замечательного памятника архитектуры Никольского казачьего собора невозможно рассматривать без истории Сибирского казачьего войска и застройки Омска.

Походом казаков под предводительством атамана Ермака Тимофеевича было положено начало завоеванию и освоению Сибири русскими людьми. Первыми сибиряками стали именно казаки, как добровольно отправившиеся в этот неведомый край, так и «завербованные» на государственную службу. Казаками особо почитался Святой Николай Мирликийский, Чудотворец, как покровитель странствующих на суше и на море.

обширном городе только две (Воскресенский военный собор и Ильинская церковь. — Н. Л.) ...» По инициативе А. М. Лукина были собраны пожертвования на строительство храма. Простой казак Алексей Максимович, благодаря своим способностям, стал богатым человеком: имел табуны лошадей и склад. Но их захватили мятежные киргизы. На оставшийся капитал он купил Евангелие для Никольской церкви за 1000 рублей.

Престолов в новом храме предполагалось два: во имя Николая Чудотворца и во имя покровителя воинов великомученика Георгия Победоносца.

Наиболее сложным в атрибуции большинства провинциальных построек является вопрос об авторстве проектов. Это связано с тем, что многие графские материалы, хранившиеся в советских архивах, уничтожались.

Автором проекта Никольского казачьего собора был гениальный зодчий Василий Петрович Стасов (1769 - 1848 гг.). Имя Стасова стало символом русского ампира. Своими произведениями он воспламял силу и мощь победоносной России. Основные принципы высокого классицизма воплощены в таких знаменитых его творениях, как здание Павловских казарм на Марсовом поле и корпуса придворных конюшен, Преображенский и Троицкий (Измайловский) соборы, Московские ворота в Петербурге, парковые сооружения и дворцовые интерьеры в Царском

и ампира. Храм имеет квадратную апсиду, остальные три фасада оформлены в виде портиков доорического ордера. Арочным окнам основного храма вторят такие же окна большого купола, кажущегося легким за счет больших арок.

Архитектура храма во имя Св. Николая напоминает решение великолепного Преображенского собора (1827 - 1829 гг.) в Петербурге.

рых говорится: «Поэтому случаю, составить ныне вновь План, Фасад и Профиль Церкви, придерживаясь Рисунка, доставленного из С. Петербурга от Архитектора Стасова. . . »

(Продолжение читайте на с. 7)

Кинотеатр Победа, ок. 1950 г. (ГАОО, личный фонд Горохова).

Читайте
в номере:

Галина Цветкова
**Покушение
на Григория
Распутина**

с. 2

Продолжаем рубрику:
«Культура: слово и дело»

Н. Мисюров

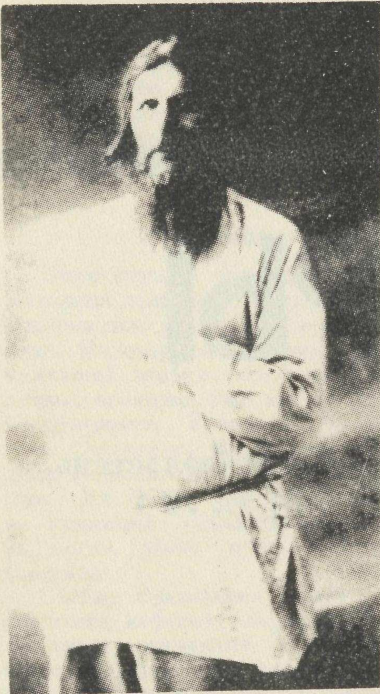
**Демоны и жертвы
русской смуты**

с. 3

**«Конец
папы
малого»**

о последних днях Лаврентия Бери (глава из книги А. Антонова-Овсеенко «Карьера палача»)

с. 4-5

Г.Е. Распутин

Фоторепродукция В. Архипова

Пожалуй, во всей русской истории первых лет нового XX столетия нет фигуры более загадочной, противоречивой, чем тюменский крестьянин Григорий Ефимович Новых (Новый), более известный просто как Григорий Распутин или «старец».

Кем он был? Той ли одиозной фигурой, какой нам его представляют или хотя бы представить многочисленные повествования, воспоминания, кинофильмы, как у нас в стране, так и за рубежом, или явлением более сложным. Скорей всего, вернее второе. Никто не может отрицать его влияния на людей, на их поступки, для многих он был вершителем судеб России, а для семьи последнего Всероссийского императора просто «нашим другом».

том, выхватила из под платка остро - отточенный, обоюдно - острый кинжал и ударила им Распутину - Новых в живот. Последний, вскрикнув «ох тошно мне», побежал по улице от дома и пробежал 108 шагов. Х. Гусева с кинжалом в руках все время гналась за ним. Г. Распутин на бегу схватил с земли палку и ударил Гусеву по голове. На помощь подбежал народ и задержал Феонию Гусеву. Степан Подчиалов толкнул Гусеву и последняя упала, при чем падая упала на кинжал и ранила себе левую руку ниже кисти. (ТФ ГАТО. Ф. 164. Оп.1. Д.436. Л.13).

После задержания Гусева рассказала, что решила убить Распутину, «ревнуя о правде Христовой», считая его лжепророком и развратником. Чтобы осуществить свое намерение, она купила в городе Царицыне (где она жила) кинжал и поехала разыскивать Распутину, бывшего в то время в Ялте. Не найдя его в Ялте, она поехала в Петербург, затем в Москву и, наконец, в Покровское.

своего дома на улицу, вижу ко мне от правой калитки наших ворот подошла ко мне незнакомая мне женщина с завязанным ртом и лицом, так что видны были одни лишь глаза, как ее звать не знаю с поклоном. Я приостановился ей дать милостыню и вынул из кармана портмоне. В тот момент у нее блеснул в руках предъявляемый мне кинжал и она им меня один раз ткнула в живот около пупка и я почувствовал, что из меня полилась кровь; сделала она это молча. Я бросился от нее бежать по улице к нашей церкви, поддерживая обеими руками рану на животе, за мной побежала и эта женщина с кинжалом и мы подбежали до места Дорофеевых. Собрался народ.

Я думаю, что она была подслана убить меня Илиодором Труфановым, так как он на меня пишет все подлости... Я его только подозреваю, сумлеваюсь. Я считаю ненормальным Илиодора. Он отперся от Бога, от церкви святой... Он на меня писал жалобы в Святейший Синод и посылал обо мне

Галина Цветкова

Покушение на Григория Распутину

Акции

Омского областного отделения Всероссийского Фонда культуры по возрождению и развитию российской культуры

1. Оказание материальной помощи национальным клубам, профессиональным и народным творческим коллективам.
2. Вклад денежных средств на реставрацию памятников истории и культуры: памятников деревянного зодчества в Омске и других населенных пунктах; Спасской церкви в Таре.
3. Сбор денежных средств на сооружение мемориала памяти сибирякам, павшим в боях за Родину под городом Белый Тверской области (1942 г.) совместно с отделениями фонда культуры других областей и краев Сибири.
4. Сбор денежных средств на сооружение памятников в Омске: писателю Ф. М. Достоевскому, поэтам Л. Н. Мартынову (в 1995 г. к 90-летию со дня рождения) и П. Н. Васильеву (в 1995 г. к 85-летию со дня рождения); композитору В. Я. Шебалину (в 1992 г. к 90-летию со дня рождения; ученым и путешественникам Ч. Ч. Валиханову (в 1995 г. к 160-летию со дня рождения), М. В. Певцову (в 1993 г. к 150-летию со дня рождения), Г. Н. Потанину (в 1995 г. к 160-летию со дня рождения), Н. М. Ядринцеву (в 1997 г. к 155-летию со дня рождения).
5. Сбор денежных средств на сооружение в Таре Центра культуры и искусств.
6. Сбор денежных средств на выполнение программы «Архитектурно-этнографический музей под открытым небом в Омске.»
7. Создание областного Народного Дома (Дома фольклора) в Омске с целью развития народного искусства.
8. Организация научно-исследовательской и краеведческой работы
11. Сбор денежных средств на программу «Молодые таланты» — на установление стипендий талантливым актерам, композиторам, музыкантам, писателям, журналистам, художникам, фотографам, музейным работникам, молодым ученым, архитекторам и др., на финансирование их творческих поездок по стране и за рубеж.
12. Сбор денежных средств на подготовку «Книг народной памяти», посвященных деятелям культуры и ученым, захороненным на омских кладбищах.
13. Издательская деятельность: издание совместно с Омским университетом и Всероссийским фондом культуры многотомной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев»; издание совместно с Омским университетом многотомной серии «От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири)»; подготовка к изданию многотомной серии «Сказки»; издание календаря к юбилею Омска (к 275-летию), отдельных книг по истории и культуре; издание ежемесячной газеты «Вестник культуры».
14. Сбор денежных средств на финансирование программ и советов Омского фонда культуры «Память», «Культурное наследие и современность», «Культура и село», «Классика», «Ф. М. Достоевский и Сибирь», «Изобразительное искусство», «Краеведение», «Национальные культуры», объединения омских коллекционеров, советов концертно-театральной деятельности и пропаганды деятельности Омского фонда культуры, комиссии по приему дарений.

За последнее время мы многое узнали из нашей отечественной истории, но еще многое предстоит узнать и открыть, в том числе узнать и понять Григория Распутина и его окружение.

Мы хотим рассказать об одном эпизоде из жизни Распутина — о покушении на его жизнь в июле 1914 г. Материалы взяты из прежде закрытых фондов Тобольского филиала госархива Тюменской области и госархива Омской области.

В середине июня в село Покровское Тюменского уезда приехала незнакомая молодая женщина, немного странной наружности. Поселившись у местных крестьян она занималась шитьем или просила милостыню. Особого внимания к себе не привлекала. Село Покровское было родиной Г.Е.Распутина, и после того как весть о сибирском пророке разлетелась по всей России, сюда стекалась масса паломников. Звали женщину Хиония (Феония) Кузьмина Гусева.

В Покровском ждали Распутина, и он приехал около 8 часов вечера 28 июня 1914 года на пароходе «Соколовский». По дороге он заезжал в Ялutorовск к нотариусу. Очевидно, его приезд для села был событием привычным (бывал Распутин в Покровском довольно часто), так как Гусева, как она сама потом говорила, узнала о приезде совершенно случайно.

Товарищ прокурора Тюменского участка Тобольского окружного суда в представлении на имя прокурора Тобольского окружного суда указывал: «...29-го июня около 3 часов по полудни разносчик писем Михаил Распутин принес телеграмму Григорию Распутину и ушел. Григорий Распутин - Новый решил также послать телеграмму и выйдя на улицу за ворота, позвал рассыльного М.Распутина. В это время стоявшая у ворот женщина - мешанка города Сызрани Симбирской губернии Хиония Косьмина Гусева подошла и поклонилась Распутину - Новых. Последний со словами «не надо кланяться» хотел было подать милостыню, Х.Гусева, воспользовавшись этим момен-

(июль 1914 г., село Покровское Тюменского уезда)

А Распутину тем временем была сделана операция хирургом Тюменской городской больницы Владимировым. Ранение было тяжелым, нож кавказского образца вошел в брюшную полость и последствия могли быть очень опасными. Тогда же в ходе следствия отмечалось, что Гусева действовала кинжалом крайне неумело, будь в ее руках обыкновенный кухонный нож или даже перочинный последствие могли быть более серьезными.

Во все инстанции ушли телеграммы о случившемся, в том числе и в Омск, прокурору Омской судебной палаты, который наблюдал за ходом дознаний по делам Акмолинской области и Тобольской губернии.

В газетах появились сообщения о покушении на «известного старца Гр.Распутина». Мотивы преступления указывались самые разнообразные, самые невероятные.

Но вернемся к нашим документам. Повел следствие судебный следователь по Тюменскому уезду Амельченко. Им, в присутствии товарища прокурора по Тюменскому участку Полуботко были проведены осмотры места преступления, одежды и первые допросы самого Распутина, Гусевой и свидетелей.

Допрос Г. Распутина проводился после операции, когда его состояние было более или менее удовлетворительным. М. Полуботко, писавший протокол, старался записывать показания теми словами, как говорил Распутин. «Зовут меня Григорий Ефимов Распутин - Нового, 50 лет, православного, под судом не был, крестьянин села Покровского, где и живу, малограмотного. Вчера после обеда часа в 4 дня я побежал дать телеграмму и вышел за ворота

телеграммы Сазонову Министру иностранных дел. Телеграммы эти были адресованы ко мне, а читал их Сазонов, так как я человек безграмотный. Был Илиодор у меня года четыре назад, где похитил важное письмо, которое и передал высшим властям. Больше показать ничего не имею. Прошу протокол мне не читать, потому что я не люблю слушать мною продиктованное». И подпись - Новый. (ТФ ГАТО.Ф.164. Оп.1. Д.436. Л.4об. - 5)

Так появилось в следственном деле еще одно имя - бывший иеромонах Илиодор - потомственный гражданин Сергей Михайлович Труфанов.

Версия о причастности Илиодора к покушению на Распутина не была принята на первых порах во внимание.

Следствие прорабатывало версию о причастности местных крестьян к событиям в Покровском. Но отношение крестьян к Распутину было более чем лояльным, так как по их отзывам «крестьян Распутин не обижает», а «кой - кому и помогает». Вызывало уважение, то что раньше «двор Распутина был самым бедным», а теперь он «живет богато».

Подозревались и бывшие в то время в Покровском скульптор Эрзя и корреспондент газеты «Русский курьер» Паганини. Но на этой версии настаивали журналисты, занимавшиеся больше прогнозами.

В результате оставалась только одна версия — Гусева действовала самостоятельно из каких-то личных побуждений, которые и предстояло уяснить следствию. Или же все-таки к покушению имел отношение бывший иеромонах Илиодор?

(Продолжение в следующем номере)

по изучению культуры национальных групп Омской области (экспедиции, конкурсы краеведов и др.). Сбор денежных средств на финансирование научной темы «История населенных пунктов Омской области».

9. Сбор денежных средств на оказание помощи музеям, картинным галереям, библиотекам, клубам, театрам Омской области.

10. Проведение ежегодного областного конкурса на лучшее освещение в литературе, прессе, по радио и телевидению проблем культуры Омской области.

Омское отделение Всероссийского фонда культуры обращается ко всем гражданам, коллективам предприятий, колхозов, совхозов, учреждений, учебных заведений; организаций, воинских частей с призывом принять активное участие в поддержке вышеуказанных акций и дел Фонда культуры. Денежные пожертвования просим перечислять на счет 000702302 в Омском областном управлении жилищно-коммунального хозяйства по адресу: 644099, г. Омск, ул. Гагарина, 22, Фонду культуры.

Владимир Макаров

ХОДАСЕВИЧ

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год...
(23 декабря 1917)

Кроме уложений и декретов,
В мире есть пророчества поэтов.
Горько сердцу, ежели певца
Выслушать не могут до конца.

Но на чердаке своем, в Париже,
Он мне моего соседа ближе,
Он, кто перед зеркалом стоит,
Он, в ком уцелел в скитаньях стыд.

Стыд, и горечь, и прорыв к прозреньям,—
Все, что цену придает мгновеньям,
А из них сурова и груба,
Собственно, и лепится судьба.

Вот он и стоит, поэт, и снова
Смывает на тебя, полуседого,
А душа — в негнущейся тоске,
А портрет Державина — в Москве.

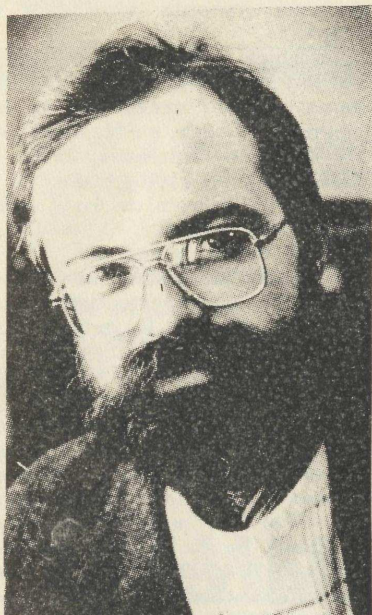
Он внезапно вспоминает строки,
Что пришли к нему в иные сроки,
В год жестокий, в год великих бед,
Там, где смывает его несчастный след.

И пройдут года... К сердцам усталым —
В некий час — и к молодым, и к старым
Он, скиталец, строчкою придет
В им же предугаданный черед.

К нам, забывшим о святых, о черте,
Он грядет, изгнанник, как на суд,—
Капли веры, что в его реторте,
Видит бог, не одного спасут:
«И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год...»

Культура: слово и дело

Демоны и жертвы русской смуты

Николай Николаевич
МИСЮРОВ
кандидат филологических
наук, доцент ОмГУ

... однако же мы не должны пить
из чаши Христовой и чаши бесовской...
Иероним, Письмо XXII
к Евстохию

Наступил предел долготерпения и лжи: наше общество больно, и необходимо всем вместе совершить шаг в сторону от пропасти. Духовная культура немислима вне своего материального воплощения и если разрушена экономика, противоречива политика, ожесточены национальные, бытовые взаимоотношения — культура рассыпается в прах. Страшный материальностью своей Чернобыль напомнил о неостановимых пока чернобылях бездуховности. Как тут не прибегнуть к Книге книг и не произнести в очередной раз: «Ибо пришел великий день гнева

В январе 1918, когда было разогнано Учредительное собрание и жертвы расстрелянной демонстрации протеста были кощунственно захоронены рядом с останками жертв 1905 года, Александр Блок призывал примириться с восставшей толпой, желая вывести Россию из хаоса разрушений к грядущей демократии и торжеству подлинной, как ему казалось, культуры. «Россия больше нет», «вечная память России» — слышу я вокруг себя. Но передо мной — Россия: та, которую видели в устремленных пророческих снах наши великие писатели... Россия — буря. Демократия приходит, «опоясанная бурей»... России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому — великой...» Декрет о создании ВЧК будет подписан Лениным спустя несколько недель...

Какой демон овладел певцом Незнакомки, когда он пытался объяснить себе и всей России сожжение мужиками Шахматовской библиотеки, когда старался воспеть двенадцать героев пошлой городской драмы? Он полагал, что революция не обойдется без интеллигенции. Увы, революция обошлась без российской элиты духа и даже яростно вытравила-ла всяческие следы ее былого верховенства: пароходами и баржами сплавляла университетских профессоров и художников к чужим берегам, а то и пострахнее — к Соловецким; тоннами вывозила за границу культурное достояние нации, разжигая ненависть обнищавшей телом и духом черни; губила жизнь уцелевшим еще носителям образованности. Блок не одинок в трагических заблуждениях эпохи. Не сразу родились и «Несвоевременные мысли» Горького, и Бунин с Брюсовым пы-

лежит и легенда о сострадающем народу своему Петре Первом. Петровское «окно в Европу» лишь на первый взгляд противоположно сталинскому «железному занавесу», одинаково был слышен за ними хруст русских костей. Да и петровское Просвещение — немногим отличимо от сталинской культурной революции, и Петр Алексеевич, и Владимир Ульянов-Ленин схожим образом отнеслись к «спецам»: культура воспринимается вождями тоталитарного режима лишь сильно действующим средством идеологической обработки масс. Вот они истоки! «Государство, — писал некогда Константин Леонтьев, — есть с одной стороны, как бы дерево, которое достигает своего полного роста, цвета и плодоношения, повинуясь деспотическому повелению внутренней, вложенной в него идеи. С другой стороны, оно есть машина..., содержащая людей как части, как колеса, рычаги, винты, атомы, и, наконец, машина вырабатывающая, образующая людей». Сам философ говаривал: «Боюсь, как бы история не оправдала меня...» Деспотических идей и Россия, и все остальное человечество в XX веке испытало на себе вдоволь.

Почему Блок поставил впереди своих отпетых «апостолов» еле видимого Христа в невестинском венчике из белых роз, символе незапятнанной невинности и кротости? Как хотелось ему представить всеокрушающий вихрь российских событий рождественской очистительной метелью! Но не было нарядной елки с примиряющим детским хоромом вокруг нее, было взаимное ожесточение, бесовское почти мельтешение противоречивых фигур, а больше — пошлых фигурок, вдоворот распрей и крови.

русские полягут под польскими саблями в угоду теоретикам «мировой революции» из Политбюро РКП (б). Культура превращалась в служанку режима. Художники — в циничных певцов идей и идеек. Из русских писателей одному Заzubрину достало нравственности и разума сказать в романе «Два мира» о пагубе взаимной ненависти. Посреди Смуты Патриарх Тихон взывал к примирению: «Трудная, но и какая высокая задача для христианина сохранить в себе великое счастье незлобия и любви тогда, когда ниспровергну: твой враг, и когда угнетенный страдаец призывается изречь свой суд на недавним своим угнетателем...» Его не хотели слышать по обе стороны баррикад, безмолвствовал и народ, уже не веривший ни тем, ни другим.

Трагедия русской культуры предreshена была не одним демоном революционного разрушительства. Сказался и оппозиционный дух в русской классике, какое-то национальное самоедство. Дворянский критицизм в культуре дополнился «базаровщиной» и «писаревщиной», народническим пренебрежением к подлинным чертам крестьянской культуры, на жарких студенческих сходках выдумывались планы переделки целого народа! Русского читателя критика приучала всюду выискивать обличительное начало. «Религиозно-культурные корни нашей силы и нашего национального дыхания» (К. Леонтьев) объявлялись сущей ерундой и измышлениями самодержавных кругов. Само священное слово «Отечество» превращалось усилиями революционеров всех мастей в бранное и неприличное. Сочинялась антируская легенда о рабском духе нашего народа, о неспособности отечественной культуры нести челове-

изъятие колоколов и крестов с российских церквей, разрушение Храма Христа-Спасителя, построенного на пожертвования русского народа. Это был уже апофеоз бесовства. «Верные ленинцы» во главе с Ярославским начинали вакханалию безбожничества по Руси, а функционеры СП под началом Фадеева распределяли портфели от культуры. Художников ждала или участь распинаемого Христа, или — помилованного вора Варравы... Демоны одолевали русскую культуру. И не было уже дано «уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их...» (От Луки, 1:77), жестокая однозначность закрепощенного состояния духа и воли целой нации и всякого отдельного индивидуума перед силой грубого принуждения лишала надежд.

Культуре не оставалось места в обществе, устроившемся на пепелище Русской смуты, речь порою шла об одном стремлении выжить живоотно, уцелеть. Возникал Архипелаг ГУЛАГ. Александр Солженицын потрясающе емко опередил суть этого ада: «Это было ощущение народного испытания — подобно татарскому игу...». Но тогда чужеземные порабитители оставили народу русскому его Церковь, топтали, оскверняли веру, но не удумали запретить ее. На Куликовом поле русские полки стояли под стягами с изображением Спаса Ярого Ока, молились Богородице и Святым заступникам Руси, вера помогла им выстоять и, что должны отметить мы ныне, не позволила ожесточиться на врага. В Великую смуту, и особенно после, свои, Русской землю вскормленные, порабитители народа отобрали у него и веру!

«Всякая революция, — размышлял Семен Франк уже в Париже в 1931 году, — есть смута... об-

тут не прибегнуть к Книге книг и не произнести в очередной раз: «Ибо пришел великий день гнева Его и кто может устоять? ...» (Откровение Св. Иоанна Богосл., 6:17)! Конечно же, существуют проблемы глобального порядка, затрагивающие вообще мировую культуру на исходе XX столетия. Но у каждого народа есть собственное лицо в культурном наследии человечества, гримасы и скорбные морщины отечественной культуры не могут не вызывать у нас содрогание.

В чем корни наших бед? Какие демоны искушали творцов русской культуры в этом столетии? Одолеть ли их?

Не существует художников, которые бы не заблуждались: если нет сомнений — нет мысли. Но порою цена заблуждений неимоверна, страдает не один творец, но и те, кто готов внимать ему, кто поверил и пошел вслед. В трудные и смутные времена своей страны он готов пожертвовать многим, чтобы спасти, как ему кажется, будущее. Утрачивается же самое святое и невозможное, создавшееся веками. В начале XX столетия страшный демон искушал художника — революция. Печально знаменитая строка «Интернационала» Эжена Потье родилась на исходе предыдущего века, но только в XX столетии она сделалась «лозунгом момента», кабинетная утопия Маркса преобразилась в прагматичное учение Ленина о революции в партийных целях. В веке, начавшемся с ипритной атаки на Марне и завершившемся Хиросимой и Чернобылем, вертеры и печорины стали бороться за лагерную пайку, а моцартов и сальери уравнила зависимость от химерически абстрактной, но жестоко материальной машины государства. Роман-предупреждение Замятина «Мы» появился задолго до ГУЛАГа, а «Верноподданный» Генриха Манна — лет за десять до Мюнхенского пивного путча. Странным образом, заблуждения русской и немецкой нации оказались схожими. Из плевел, брошенных в землю русской культуры, взошли коварные и неистребимые всходы...

Тут не сразу родились и «Несвоевременные мысли» Горького, и Бунин с Брюсовым пытались вслушаться в такт событий, понять их... Что же касается Блока, то ошибка стоила ему жизни: вагнеровское желание пожертвовать культурой во имя «музыки Революции» надломило душу и разум, он сам, как вспоминал Андрей Белый, «как бы приговаривал себя к смерти».

Мы уже дожили до разделения России, увидели на телеэкранах и улицах городов наших торжество митинговой демократии, «опоясанной бурей». Унижений и мук России в XX столетии выпало сверх всякой меры. Но вот новой культуры нет, как не было, да и не могла она созидаться на почве, густо политой кровью многих народов, но русского — прежде всего и всего обильнее...

То, что именуется упорно в учебниках прописных «истин» революцией и гражданской войной, давно было названо Великой Смутой, ибо существо братоубийства и забвения христианского человеколюбия иначе определить нельзя. Правители приходят и уходят, а остается незбылемым нечто, данное народу от предков и хранимое в настоящем. И тут мы пошли наперекор чужому и собственному горькому опыту: «Что имеем, не храним...» В Великую Смуту и после растеряли безжалостно, истребив за ненадобностью, остатки того, что трепали и терзали в порывах самоуничтожения. К примеру, Лев Гумилев, перестрадавший лагерное рабство, упрямо отстаивает странную идею благоверности татарского ига для Руси, по нему — так и деспотическая неволя русскому народу впрок. Раздражение бездумных патриотов ленинградским профессором напрасно: задолго до него Вл. Соловьев в запале полемического мазохизма, описывая историю русского государства, «зача того варягами и оплодотворенного татарами», восклицал: «Мы должны помнить, что мы как народ спасены от гибели не национальным эгоизмом и самоотречением, а национальным самоотречением...» Соловьеву же принад-

лежит — пошлых фигурок, водоворот распри и крови.

Первой жертвой Русской Смуты пала христианская культура: еще выходили некоторые журналы — в большевистском Петрограде и врангелевском Крыму, издавались на оберточной бумаге тощие сборнички стихов, Шалаши и Рахманинов давали благотворительные концерты, замысливалась Горьким «Всемирная библиотека», но уже был нарушен вечный принцип человеческого общежития, пролилась братская кровь.

Библейская этика, со времен Иллариона и Даниила Заточника питавшая русскую мысль и способствовавшая действительности художественного слова, была расшатана уже событиями 1905-1907 и 1912-1916: человеческая жизнь стала разменной монетой политиков, военных стратегов. Революция, крестьянские бунты, тысячи брошенных на произвол судьбы инвалидов японской, постыдный мир, ленский расстрел, эсэровский бессмысленный террор, гибель из-за предательства разжиревших на крови народной генералов и чиновников целой армии Самсонова.

Некогда Угличское злодейство изломало судьбу России, едва не сгнула вся прежняя Русь, но народ, ведомый лучшими людьми, восстановил основы, и культуру тоже. Удалось оттого, что патриотическая идея и вера Христова укрепляли силы. Спустя триста лет распалась связь между душой и телом. Екатеринбургское злодейство 1918 года отразилось губительным образом на российской культуре: это был предел, за которым наступала эпоха помрачения Совесть. Маяковский от имени «товарища Маузера» грозил революцией «синеглазым» за океан; Бор. Савинков в романах своих поэтизировал ненависть к большевикам, недавним союзникам; Есенин задирает самого Господа, обещая выдрать клочок из его бороды; Брюсов с Блоком в стихах, а Г. Нарбут в линотипиях направляли ожесточившихся «скифов» на Запад — в 1920 году на Висле

«Всякая революция, — размышлял Семен Франк уже в Париже в 1931 году, — есть смута... обходится народу слишком дорого... Революция есть всегда чистое разрушение, а не творчество...». Вот она, принципиальная причина упадка русской культуры в эпоху Смуты и советский период: революция — не творчество! Оборваны были нити народной традиции, замутнен животворный источник христианской мысли, опохаблено нравственное мироощущение. Кумачовые лозунги и посулы будущей счастливой жизни не могли замесить веру в Бога и надежды на собственные руки. Если и строилось что, то рабами под окрики надсмотрщиков. А страшный суд?

Похоже ни лидеры большевиков, ни падшие художники не задумывались над такой отдаленной перспективой Ответа за содеянное... Христианским духом русская культура строилась тысячелетие, жила евангельскими заповедями в тяжкую годину народную. Еще в XIX «золотом веке» нашей культуры был действителен этот благотворный импульс, но художником овладевал искуса выбрать меж чашами Христовой и бесовской последнюю, а русский слух старался уже не различать «воли» и «свободы». В XX столетии революция, бунт воли против устоев нравственности довершили разрушение того, что досталось нам в наследие от предков. Возродим ли теперь русскую культуру — зависит от нас самих: «Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще осквернится; праведный да творит правду еще...» (Откровение Св. Иоанна Богосл., 22:11).

Николай Бердяев еще в 1918 г. писал: «Нельзя желать, чтобы с лица земли исчезли выражения национальных духовных типов и культур... Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности». Есенин, почувствовавший ошибку «наднациональных» новаций своих попутчиков в русской культуре, писал тремя годами позже: «У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова... Поэтому они так любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами кривляния ради самого кривляния». Он христиански сожалел убогости мысли вершителей «советской культуры». Никакого христианского уважения к его памяти не проявят те, кто начнет кампанию посмертного хуления поэта; страшный символ — возглавит эту травлю «любимец партии» Николай Бухарин, скоряя жертва сталинской мясорубки. Только помрачением совести и беспамятством можно объяснить взорванные могилы героев Бородинского поля,

Предлагаем вниманию читателей главу из книги «Карьера палача. (Лаврентий Берия)», написанной известным историком А.В. Антоновым - Овсенко, сыном погибшего в годы сталинских репрессий большевика В.А. Антонова - Овсенко.

Полностью книга должна выйти в 1991 году в серии «Политические мемуары» в приложении к журналу «Коммунист и время».

У власти

Политический тандем Берия-Маленков приобрел после смерти Сталина силу решающую, необоримую. Молотов, долгие годы занимавший вторую, вслед за Сталиным, позицию, был им же дискредитирован. Успел-таки радетель. Оставались Каганович, Микоян, Ворошилов, Булганин, Хрущев... Их Берия никогда всерьез не принимал: объединиться они не могли, умом, мужеством не блистали.

Сценку образования правительства кабинета Берия с Маленковым разыграли в бодром темпе. Сначала Булганин по поручению Берия выдвинул кандидатуру Георгия Максимилиановича на пост главы Совета Министров, затем тот назвал Лаврентия Павловича своим первым заместителем, вернее — первейшим. Президиум ЦК, предложенный этой нечистой парой, фактически дублировал состав верхушки правительства. Смещая с поста министра госбезопасности последнего сталинского фаворита Игнатьева, Берия предложил ему весьма зыбкую должность секретаря ЦК и вскоре же убрал его и вовсе из центрального аппарата. Подобная тактика в отношении неугодных лиц стала в чертогах верховной власти традиционной.

За долгие годы сталинской диктатуры партия, да и весь народ, привыкли смотреть на генерального (первого) секретаря как на Вождя, наделённого абсолютной властью. Отдать этот пост

шего Министерства государственной безопасности Рюмина о его разговорах со Сталиным, о требованиях Сталина ужесточить допросы — и так далее, и тому подобное. Были там показания и других лиц, всякий раз связанные непосредственно с ролью Сталина в этом деле. Были записи разговоров со Сталиным на эту же тему».

Все документы, предоставленные на обозрение таким заслуженным правдолюбам, как товарищ Берия, были доступны чекистам в течение недели.

Войдя в роль либерала, Берия предложил однажды на заседании Президиума установить предельный срок наказания в 10 лет вместо прежних 20-ти. Однако, как справедливо заметил Хрущев, столь гуманная на первый взгляд мера не имела на практике реального значения: десятилетний срок можно было повторять и повторять вновь — как в лагере, так и в тюрьме. В духе устоявшейся традиции. Кстати убедиться в том, что «новаторство» Берия было всего лишь игрой, можно было уже на следующем заседании. Там он предложил установить жесткий контроль своих органов над всеми отбывшими срок заключения, то есть поселять их в районах назначаемых функционерами МВД. Было уже такое. Вспомним год 1947, репрессивную инициативу Вячеслава Молотова. Тогда, при Сталине, миллионы невинно пострадавших обрели на бессрочную ссылку. Ныне же

Хрущёвым. Если бы ему удалось сыграть решающую роль во внешней и внутренней политике государства, действуя через своих союзников в Президиуме ЦК, он мог бы прослыть великим реформатором.

Истерзанный голодом и казнями народ ждал перемен. Земля, иссушенная жестоким зноем, жаждала живительного дождя. И вот явился Лаврентий Берия, палач в образе Спасителя. Эту роль в театре Иосифа Сталина играл обычно сам Сталин. Но в отличие от Хозяина Берия намеревался сотворить добро не на сцене, а в жизни.

Этому историческому парадоксу не суждено было состояться. А жаль.

Арест, суд и казнь

Странная ситуация сложилась на верхних ступенях власти после смерти Сталина. Хрущёв, занявший пост секретаря ЦК, не был признанным лидером. Здесь всё решали Берия и Маленков. Прежние фавориты Сталина — Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян не могли противостоять могущественному тандему и подкрепить позиции Никиты Хрущёва. Да и не хотели. Кабинетные интриганы, многоопытные карьеристы, они никогда не доверяли друг другу, ревниво следили за каждым шагом соперника, их ничто не объединяло. Впрочем, общее у них было — жажда власти и страх утраты власти.

Опираясь на партийный аппарат, на многолетнюю традицию, Хрущёв мог добиться от функционеров — в центре и на местах — беспрекословного подчинения своей воле. Но он не смел. А Берия выжидал.

Весной пятьдесят третьего

Хрущёв с уважением относился к Круглову, что же до Серова, то с ним у него сложились дружеские отношения в годы совместной службы на Украине. Где ему было знать, что сложились обстоятельства иначе, эти подручные Берия, вырезали бы вместе с ним весь пестрый курятник, то бишь сталинское Политбюро. И если два генерала положили за благо изменить сегодня дорогому Лаврентию Павловичу, то они имели в виду лишь свое личное благо. Захватив абсолютную власть, что сделает с ними Берия? Верные ему выходцы с Кавказа, все эти кобуловы-деканозовы, давно уж точат кинжалы...

В этих рассуждениях Серова и Круглова был свой уголовный резон. Перед Хрущёвым встала альтернатива: ударить немедленно, опередив заговорщиков, или уйти в тень, отказаться от борьбы, от всего. Отдадим должное отваге Никиты Хрущёва. Он выбрал действие.

Первым делом надо было собрать в кулак членов Президиума ЦК — решить самую трудную задачу. Как он сам в последствии рассказывал, ни один из бывших подручных Сталина не был надежным, твёрдым человеком. Сказывалась многолетняя селекция. Молотов — «тот ещё тип» (подлинное выражение Хрущёва). Маленков — близкий друг Лаврентия Берия. Ворошилов — трус и подхалим. Каганович — никогда не знаешь, куда он повернёт, к кому примкнет в последний момент, Лазарь — лицедей. Можно положиться на Булганина, но как он поведет себя в случае отказа остальных?

Хрущёв знал, конечно, что служба постоянного подслушива-

заний план и теперь готовят нечто худшее. Он был непоколебимо туп, многолетний сподвижник Сталина, но инстинктом самосохранения природа его тоже не обделила.

Обещав свою безусловную поддержку Хрущёву, Молотов предполагал, что тот одним ударом покончит и с Берия, и с Маленковым. Но Никита Сергеевич надеялся разорвать прочный тандем. Да и так ли уж прочен он был? Разве Маленкову наравне со всеми не грозила скорая расправа?

Хрущёв опасался решительного разговора с Маленковым: вдруг выдаст с головой? Но лишь только он приступил к этому щекотливому делу, как Маленков сразу же принял сторону большинства. В тот же день Хрущёв отправился на Воздвиженку. Председатель Президиума Верховного Совета не ожидал такого поворота событий.

— Что вы мне предлагаете? Товарищ Берия — замечательный ленинец! Я всегда уважал Лаврентия Павловича и никто меня не переубедит!

— Да не вопи ты, ради бога, — остановил его Хрущёв. — Здесь никого нет кроме нас с тобой. Ты же ничего не знаешь, с нами все члены Президиума. Если мы не примем экстренных мер, он переубедит нас поодиночке, неужели непонятно?..

Но маршал трусил. Лазарь Каганович недалеко ушел от Ворошилова. Пришлось Хрущёву выложить ему все козыри: Маленков, Молотов, Булганин, Сабуров уже сказали «да». Дав, наконец, свое согласие, Каганович спросил о Ворошилове. Хрущёв повторил сказанное маршалом. Каганович возмутился: «Старый сукин сын! Он вам врал, он говорил мне, что не выносит Берия, что он очень опасен, что он может уничтожить всех нас...»

Хрущёв решил ещё раз испы-

Маленкову или же занять его самому, значило бы обнаружить свои истинные намерения. Выдвигая секретарём ЦК Никиту Хрущёва, Берия, как ему казалось, обрёл в этой опасной политической игре надёжную ширму. Оставалась ещё одна забота — приобретение популярности. В 1938-1939 годах Сталин помог ему разыграть спектакль, в котором на долю Ежова выпала роль злодея, Берия же выступил в образе доброго рыцаря. Этот опыт оказался кстати: новый шеф Министерства внутренних дел — после слияния с МГБ — предложил коллегам по управлению страной объявить амнистию заключённым. Следующий ход — реабилитация группы «врачей-убийц». Об этом сообщила 4 апреля «Правда». «В результате проверки установлено, что привлечённые к этому делу врачи... были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещённых приемов следствия».

Непосредственным виновником «Правда» назвала бывшего министра, этого ротозея Игнатъева, и если бы не товарищ Лаврентий Павлович Берия... («Правда», 6 апреля 1953). Словом, наступает эра справедливости.

Ну, а кто главный виновник провокации, — тот, что дирижировал незаконными действиями Игнатъева?

Свидетельствует Константин Симонов: «Вскоре после сообщения о фальсификации дела врачей членов и кандидатов в члены ЦК знакомили в Кремле, в двух или трех отведенных для этого комнатах, с документами, свидетельствующими о непосредственном участии Сталина во всей истории с «Врачами-убийцами», с показаниями арестованного начальника следственной части быв-

предложено в Президиуме установить какое-либо равновесие сил. Кто нарушит его первым? Берия начал готовить почву для генеральной перетряски верховного органа партии. У него был верный, как он думал, помощник — Маленков, с его богатым опытом и прочными связями в центральном аппарате. Берия опирался на всеисильные Органы кары и сыска и мог уповать на разрозненность членов Президиума. Кто сможет ему противостоять?»

Человек государственный, привыкший мыслить широкомасштабно, Берия совершенно серьёзно полагал, что только он лично способен благотворно влиять на внешнюю политику Советского Союза. Он считал, например, нежелательным раздел Германии на два самостоятельных государства, ибо теперь в самом сердце Европы образовался постоянный очаг напряженности. Смелые шаги предпринял Берия в области экономического переустройства Восточной Германии. В начале июня по его указанию там была опубликована программа, обеспечившая свободное предпринимательство крестьянам, включая зажиточных («гроссбауер»), а также — ремесленникам и торговцам. Правительство обещало не притеснять интеллигенцию и духовенство. Что до рабочих, то они были поставлены в жёсткие рамки. Осуществлением программы ведал ставленник Берия министр госбезопасности Цайссер. («Социалистический вестник», 1954, №№ 9, 10.).

В кругу коллег Берия, касаясь сталинской политики коллективизации сельского хозяйства, насильственного насаждения колхозов в странах Восточной Европы, заметил: «Тут старик явно перемудрил...» Берия говорил, что там, и особенно в ГДР, следовало бы сохранить фермерское хозяйство, ибо только оно способно обеспечить изобилие продовольственных товаров.

Если бы Берия не оступился и не попал в сети, так ловко расставленные Маленковым и

Берия начал готовить почву для генеральной перетряски верховного органа партии. У него был верный, как он думал, помощник — Маленков, с его богатым опытом и прочными связями в центральном аппарате. Берия опирался на всеисильные Органы кары и сыска и мог уповать на разрозненность членов Президиума. Кто сможет ему противостоять?»

В мае из Киева прибыл один из старых сослуживцев Хрущёва. Он принёс тревожную весть: органы внутренних дел Украины получили секретный циркуляр о мобилизации всех сил и переходе на режим боевой готовности. Циркуляр был направлен из МВД, но ведь Органы курировал Лаврентий Берия, директива исходила от него. Природа наградила Никиту Сергеевича могучим инстинктом самосохранения. Вызвав под благовидным предлогом кое-кого из провинции, он установил, что секретный циркуляр послан не только на Украину. Сколько лет жил он, партийный секретарь Никита Хрущёв под Сталиным, дрожа и пресмыкаясь, на положении не то шута, не то лакея. Теперь вот — Берия...

Но как проникнуть в его планы? И будто сжалившись над незадачливым партвождем, судьба послала ему двух перебежчиков из лагеря противника. Заместители министра внутренних дел Иван Серов и Сергей Круглов, взвесив шансы своего шефа — а весами они располагали точными, — решили выдать его с головой. Они доложили Никите Сергеевичу всё, что знали о намерениях Берия, обрисовали оперативный план вооружённого путча, диспозицию частей, назвали имена заговорщиков. В уголовном мире это называется «заложить со всем бутером».

Переговоры с Молотовым прошли, против ожидания, гладко. За несколько дней до поездки с Хрущёвым за город, служба ГБ, не уведомив Вячеслава Михайловича, сменила его личную охрану. Молотов давно и с тревогой и подозрением присматривался к опасным интриганам. Они отпустили его на второй, нет, на самый

охватывает не только кабинеты членов ЦК и Президиум, её щупальцы проникли в квартиры, на дачи, в личные авто. А телефонные разговоры, переписка партсановников издавна подпали под неусыпный контроль Лубянки.

Он начал с Николая Булганина, министра обороны. Только армия способна сломить дивизии охранников. С Булганиным Хрущёв сошёлся ещё в последние годы жизни Сталина, вместе терпели унижения от Берия, вместе решили держаться теперь. Разговаривали на даче, в саду. С Анастасом Микояном Хрущёв выехал за город в одной машине, оставил авто на шоссе и совершил с ним ответственную прогулку вдоль лесной опушки. Микоян юлил: «Я знал Лаврентия Павловича с 1919 года, на моих глазах он вырос в крупного партийного работника, нельзя же вот так вдруг убирать заслуженного деятеля... Пусть ему укажут на ошибки... Он учтет товарищескую критику...» Пришлось Хрущёву говорить с Микояном ещё раз.

Переговоры с Молотовым прошли, против ожидания, гладко. За несколько дней до поездки с Хрущёвым за город, служба ГБ, не уведомив Вячеслава Михайловича, сменила его личную охрану. Молотов давно и с тревогой и подозрением присматривался к опасным интриганам. Они отпустили его на второй, нет, на самый

КОНИ

А. АНТОНОВ-ОВСЕНКО

Ворошилова и послал к нему Маленкова. Когда тот выложил ему конкретный план действий, Ворошилов обнял его и заплакал...

Как только было достигнуто единство, Булганин с Жуковым приступили к мобилизации сил. Но как создать мощную боевую группу войск на подступах к Москве и в самой столице скрытно от агентов Берия? Бывший начальник Генерального штаба, ныне служит в Германии, но связи сохранил. В столице остался генерал Артемьев, командующий войсками МВО, он же верный слуга Берия. Ранее он командовал дивизией внутренних войск МВД. Первым делом министр обороны удалил его из Москвы под благовидным предлогом на летние маневры — они уже начались в районе Смоленска.

В середине мая начались волнения в Берлине, забастовали рабочие. Президиум ЦК решил направить туда Лаврентия Берия, подкрепить своего посланца группой военных. В отсутствие Берия Маленков, Булганин и Хрущёв намеревались созвать узкое совещание и обсудить конкретные меры по устранению могущественного министра. Кто-то успел уведомить Берия о том, что на 20 мая намечено заседание Президиума. Берия тотчас позвонил:

— *Что вы там собираетесь делать? Какая повестка дня?*

— *Обычное заседание, обсудим*

вопросы сельского хозяйства, — ответил Хрущёв.

— С чего бы это? Пришлите мне все материалы.

Пришлось срочно референтам готовить соответствующие документы и отправлять в Берлин. На другой день звонит опять Берия:

— А почему нет секретаря ЦК по сельскому хозяйству, нет министра сельского хозяйства? Что вы там дурака валяете?! Я вылетаю.

Он прибыл в Москву в канун заседания, и нашим заговорщикам пришлось разыгрывать сцену натурального обсуждения сельскохозяйственных проблем. Задуманную операцию пришлось отложить, тем более, что не все было готово. Особые опасения вызывала позиция одного из старейших подручных Сталина, Анастасия Микояна. Ведь с ним Хрущёву пришлось беседовать дважды. По всему было видно, что Микоян готов присоединиться к большинству, но останется ли он верен своему слову? Да и Ворошилов... Вдруг ещё кто-нибудь проявит малодушие в последнюю минуту?

Меж тем обстановка явно накалялась. Интересные детали содержатся в воспоминаниях участников событий, особенно — маршала Конева, — в пересказе поэта Александра Твардовского и дочери маршала Майи Ивановны.

До Маленкова и Булганина дошли сведения о тайном формировании в районе Минского шоссе, близ Москвы, десантной дивизии. Это дело Берия поручил одному крупному разведчику. Сведения поступали к маршалу Жукову от заместителя Серова по ГРУ. В начале июня стало известно, что Берия под каким-то предлогом собрал из разных областей страны партийных работников на краткосрочные курсы в числе 400 человек. Около половины курсантов прибы-

по кремлёвской вертушке:

— У тебя есть верные люди? Такие люди, которым ты доверяешь, как себе?

Москаленко: — *Найдутся, Никита Сергеевич.*

Хрущёв: — *Возьми с собой четырёх человек. И пусть прихватят сигары.*

Москаленко: — *Какие сигары?*
Хрущёв: — *Ты что, забыл, как это называлось на фронте?*

Генерал вспомнил. Хрущёв имел в виду револьверы.

Хрущёв: — *Во дворе генерального штаба тебя с людьми будет ждать Булганин. Поторопись.*

Москаленко тотчас вызвал офицера для поручений Виктора Ивановича Юферова и сообщил о задании Хрущёва. Он спросил подполковника:

— *Как ты думаешь, можно положиться на Батицкого?*

Павла Фёдоровича Батицкого, первого заместителя Москаленко, Юферев знал как надёжного человека, боевого генерала. Он добавил, что можно также вполне положиться на Алексея Ивановича Баксова, начальника штаба.

— *Кого бы нам ещё прихватить?* — спросил Москаленко.

Юферев назвал Ивана Григорьевича Зуба, начальника политуправления. Москаленко вызвал Батицкого и Баксова. Зуб оказался дома, он обедал. Решили заехать за полковником Зубом по дороге.

В машине Москаленко предложил предупредить Зуба по телефону. Остановились около магазина «Динамо», и Юферев с папкой в руках вышел из авто. Он позвонил на квартиру Зуба из кабинета директора магазина. Позднее, когда всё было кончено, Москаленко признался, что, пока Юферев находился в магазине, он перетрусил: а вдруг операция сорвется и всех накроют?...

Подковник Зуб жил на улице Валовой, рядом с Павелецким

жденно, шутили, рассказывали анекдоты... К группе Москаленко подошёл Жуков, поздоровался и спросил:

— *Вы знаете, кого вам предстоит арестовать?*

— *Не знаем, но догадываемся,* — ответил Москаленко.

В этот момент появился Хрущёв. Он подошёл к Москаленко: — *Вам придётся брать одного из членов Президиума. Возможно, он будет вооружён...*

Хрущёв остановил взгляд на рослых, могучего сложения Батицком и Юфереве.

— *Вот вы и подойдёте к нему — вам скажут, когда — и возьмёте его.*

Юферев: — *Что, и стрелять можно?*

Хрущёв: — *Нет, его надо оставить для следствия. Оружие не применять. Пока все остаются здесь. Когда услышите два длинных звонка, направляйтесь к нам, на заседание. Приходите прямо в кабинет, мимо секретаря, не обращайтесь ни на кого.*

Хрущёв вышел. Берия явился на заседание одним из последних, занял своё место и спросил:

— *Какая повестка дня?*

— *Вопрос стоит один,* — ответил Хрущёв, — *о Лаврентии Берия.*

И, обратившись к Маленкову, добавил:

— *Докладывай.*

Прошло не более четверти часа, и раздались два продолжительных звонка. Военные открыли дверь, навстречу им встал секретарь. Пятёрка, минуя его, прошли в кабинет напротив. За ними следовал маршал Жуков.

...На председательском месте сидел Хрущёв, по правую руку — Маленков, рядом с ним — Булганин, ближе к двери, наискосок от Маленкова, — Берия, напротив Лаврентия Павловича — Ворошилов.

Вошедшие встали слева, ближе к Булганину, за спиной Берия. Маленков заканчивал чтение доку-

Берия достал носовой платок и записную книжку.

Берия: — *Убери свою пушку. Батицкий: — Ничего, она ещё пригодится.*

Москаленко: — *Послушайте, Батицкий, с ним не следует сейчас разговаривать.*

...Берия принялся тщательно разглаживать стрелки брюк и стряхивать с них пылинки. Он был в сером поношенном костюме, белой сорочке без галстука.

Через некоторое время в комнату вошли заместитель командующего танковой армии генерал Андрей Лаврентьевич Гетман и командующий артиллерией Советской Армии генерал Митрофан Иванович Неделин. Их прислали в помощь Москаленко.

В комнате отдыха военные пробыли с арестованным до глубокой ночи. Это были тревожные часы, никто не знал, чем все кончится...

Москаленко тем временем отдавал распоряжения — уже на правах командующего Московским военным округом. Прежний командующий, генерал Артемьев, был смещён.

Члены Президиума ЦК отправились в тот вечер в Большой театр. Давали оперу «Декабристы». Один Ворошилов остался в Кремле.

История сохранила фотографию: Берия с Ворошиловым стоят в обнимку, словно братья. Но Клим всегда ненавидел удачливого Лаврентия и боялся его. Трусаватый маршал тужился предугадать ход событий, ведь могущественного чекиста могли выручить его давние друзья, тот же Иван Серов. Напрасно Никита Сергеевич ему доверялся. И когда Берия наконец вывели из комнат Президиума ЦК, Ворошилов был тут как тут. Он искательно заглядывал в глаза рослым конвоирам. Подполковник Юферев оставил свою фуражку в кабинете секретаря на вешалке

Серов: — *Мы не посторонние. Москаленко: — Вас никто не уполномочивал.*

Серов: — *Нас послали сюда, чтобы начать следствие.*

Москаленко: — *Мне об этом ничего не известно. Никто вам таких полномочий не давал.*

Не исключено, что Серов поехал в казармы с ведома Хрущёва, который хотел узнать о намерениях Берия.

... Серов с Кругловым уехали, а Москаленко с подполковником поспешили к Маленкову. Генерал доложил премьер-министру об инциденте. На экстренном заседании Президиума ЦК было решено перевести Берия в штаб МВО.

Следствие по делу Берия и его подручных возглавил Генеральный прокурор Руденко.

Главное здание МВД на Лубянке было заблокировано военными. Они отобрали все ключи у сотрудников центрального аппарата и заняли их кабинеты в ожидании дальнейших указаний.

Блокировать внутренние войска МВД было поручено двум танковым дивизиям — Кантемировской и Таманской. Первой командовал генерал Иван Якубовский, любимчик Сталина. Был он туп и бездарен неизменно, за что и обласкан генералиссимусом. Командир Таманской, получив приказ министра, отказался выступать против цитадели Берия. Якубовский же выполнил приказ беспрекословно. Как верно заметил бывший офицер военной разведки Виктор Суворов, Якубовским двигало отнюдь не бесстрашие, а бездумное лакейство. Если бы ему первым приказал Берия, он перевешал бы всех противников шефа Лубянки. (Виктор Суворов. Рассказы освободителя, с. 130).

Участие Якубовского было отмечено Хрущёвым, потом Брежневым. Генерал-майор стал вскоре же маршалом, главнокомандующим объединённым резервным корпусом

Ш ПАПЫ МАЛОГО

ло из республик Закавказья. Им выдали пистолеты и предупредили о возможном вызове в Кремль.

Под Москвой дислоцировалась дивизия корпуса внутренних войск имени маршала Лаврентия Берия. Их окружают по приказу министра. Один полк бериевских войск размещался в Лефортовских казармах. Казармы поручено заблокировать.

День ареста Берия назначен на 26 июня. Как только он явится на заседание в Кремль, будут подняты по боевой тревоге все военные академии, и в столицу выйдут особо надёжные дивизии.

Все члены Президиума ЦК знали о предстоящем заседании, но только трое — Маленков, Булганин и сам Хрущёв — знали о том, что произойдёт на этом заседании, каков общий план операции. И ещё одного человека посвятили во все детали дела — маршала Жукова. Но он был лишь кандидатом в члены ЦК.

И вот он настал, этот день. Комендант Кремля генерал Веденин вызвал из-под Москвы полк, которым командовал его сын. Школа курсантов училища имени Верховного Совета РСФСР была поднята в ружьё, Кремль буквально наводнён войсками.

26 июня 1953 года. В этот день, в час дня, Никита Хрущёв позвонил командующему войсками Московского округа ПВО генералу Кириллу Семёновичу Москаленко

вокзалом. Он уже стоял у подъезда своего дома. Поехали впятером, не считая шофёра. Чёрный автомобиль марки ЗИС-110 вмещал шесть пассажиров, в салоне было два откидных места.

Во дворе Генерального штаба группу Москаленко встретил маршал Булганин. С ним — порученец

Безрук. Подполковник Фёдор Тимофеевич Безрук был начальником охраны Булганина. Пересели в автомобиль министра, в такой же ЗИС-110: Безрук — рядом с шофёром, Булганин — на приставное место слева, Юферев — справа, остальные — сзади. Уместились ввосьмером.

— В Кремль, — распорядился Булганин.

Когда подъехали к Троицким воротам, Булганин предупредил: — Не высовывайтесь.

Действительно, выглядывать в окно не было резона, пропуска были не у всех.

Благополучно проскочили часовых, подкатили к особому правительственному подъезду — это называлось «с уголка», — поднялись на второй этаж. Вот и кабинет №1, где когда-то сидел Сталин. Сейчас здесь заседал Президиум ЦК. Булганин вошёл в кабинет, остальных провели из комнаты секретаря в смежный кабинет, напротив. Там находилось человек пятнадцать-двадцать — работники ЦК, несколько генералов и маршал Жуков. Держались все неприну-

ментов: «...Как видите, Берия оказался не только врагом внутренним, но и врагом в международном плане. Предлагается немедленно его арестовать и передать в руки этих товарищей».

Батицкий вынул свой «парабеллум», Юферев — «ТТ».

Берия сидел опустив голову и нервно писал что-то карандашом на листе бумаги. Потом оказалось, что он выводил одно лишь слово «тревога», повторил это слово двенадцать раз. Наконец Берия поднял глаза, военные уже стояли подле него — Юферев по левую руку, Батицкий по правую.

Подошёл Жуков: — Руки вверх. Вы арестованы. Ладони Юферева скользнули сверху вниз по карманам арестованного. Берия поднял руки:

— Оружия у меня нет.

Батицкий и Юферев предложили ему пройти в комнату отдыха — она примыкала к кабинету слева. Посадили министра на диван, встали рядом. Москаленко, Баксов, Зуб расположились на стульях в углу, возле круглого столика, с пистолетами в руках. Командующий достал свой «вальтер».

Батицкий: — Снимите с него пенсне.

Юферев исполнил приказание. Берия: — Как же я теперь буду видеть? У меня слабое зрение...

Батицкий: — Нечего тебе смотреть. Ну-ка покажи, что у тебя в карманах.

Услужливо подскочил Ворошилов: «Сейчас я тебе, голубчик, подам...»

Надо сказать, что по указанию Хрущёва и Булганина каждому офицеру охраны с утра был придан армейский офицер. Гебистам пояснили, будто это входит в план репетиции военного положения. Так они и стояли парами на каждой лестничной площадке, у каждой двери. К вечеру гебисты куда-то исчезли, остались одни армейские офицеры. Они стояли сдвоенными рядами вдоль всех коридоров. Берия провели сквозь строй и посадили в машину Булганина. Арестованного поместили на заднее сиденье. Батицкий сел слева. Юферев — справа. На всякий случай Юферев сунул дуло пистолета под рёбра Берия. А он смотрел по дороге в окно, явно любопытствуя, куда его везут. Москаленко сидел рядом с шофёром, Баксов и Зуб заняли откидные места.

Машина помчалась по набережной к Абельмановской заставе, повернула налево. Вот и Крутицкие казармы, здесь уже ждал вновь назначенный комендант города генерал Иван Колесников. Он поместил Берия на гауптвахту, под усиленную охрану. Начальником караула был назначен генерал Батицкий, ответственными дежурными — Гетман, Зуб, Юферев, Неделин, Баксов. Караул несли офицеры из войск ПВО Москвы.

Ночь Берия провёл на гауптвахте. На другой день, в 12 часов, в казармы прибыл новый министр внутренних дел Круглов и бывший заместитель Берия генерал Серов.

Заметив высоких визитёров, Москаленко бросил сопровождающему его полковнику: «Как они здесь очутились, эти сволочи?»

Генерал спросил прибывших: — Что вам здесь нужно?

— Они прибыли для проведения следствия, — ответил за них комендант.

Москаленко: — Какого ещё следствия? Уберите их отсюда сейчас же! (Коменданту): — Выведите отсюда посторонних.

лами стран Варшавского договора. Сталин всегда мирволил лакействующим тупицам. Назовем самых ярких: Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Кулик, Булганин... Новые вожди продолжили столь опасную для обороны традицию...

Штаб МВО находился около набережной реки Москвы. Вечером 27 июня туда прибыл Булганин. Он остался доволен осмотром помещения, и ночью бывшего министра, бывшего члена Президиума перевезли на новое место. Как и в первый раз, его сопровождал в автомобиле Москаленко с четырьмя помощниками.

Берия поместили в небольшую комнату площадью не более двенадцати квадратных метров. Койка, табурет — вот и вся мебель. Там же, в бункере, проходило следствие. Особый кабинет отвели Генеральному прокурору.

Москаленко находился в штабе округа неотлучно. И ночевал там вместе с Юферевым. На охране штаба дежурили танки и бронетранспортеры.

Берия пришлось сменить свой костюм на солдатское обмундирование — хлопчатобумажную гимнастерку и брюки. Еду арестованному доставляли из гаража штаба МВО — солдатский паек, солдатская сервировка: котелок и алюминиевая ложка.

Первые дни Булганин звонил в бункер каждую ночь после 12 часов:

— Как дела? Всё спокойно? Как себя ведет арестованный?

Если генерал Москаленко уже спал, Булганин получал информацию от подполковника Юферева, который постоянно дежурил в одном из подземных кабинетов.

Охрана надежная, случайности были исключены. Ну, а если бы кому-нибудь удалось передать Берия в камеру яд, нашлось бы у него мужество покончить с собой? Ведь вот же у его берлинского коллеги Гимmlера рука не дрогнула. Нет, в этом случае он поступил бы как типичный уголовник — трусливо.

(Окончание в следующем номере)

Омск литературный

Следовало бы перерыть архивы
Там найдете прозу и стихи вы
Л. Мартынов

К счастью омичей, да и не только омичей, жил по Лермонтовской, 28 Антон Семенович Сорокин. А вокруг него — кто только не бывал у Сорокина из писательской, артистической, художественной братии — местной, приезжей, проезжей.

Сорокинское бы понимание, бережение к информационному наследию этого литклуба — художественной мастерской после смерти писателя. И все-таки какие-то фрагменты сохранились, дошли до наших дней.

... Так чудили выдумками слов В полумраке уличных расщелин Одинокий сумрачный Забелин И хмельной лирический Грязнов...

Здесь и два имени из Омска литературного 20-х годов, и, возможно, наиболее типичный настрой местной творческой молодежной ватаги того времени: образцов подобного чудачества А. Сорокин сохранил предостаточно:

Жили два дона, не зная раздора,
Дон Померанца и дон Помидора...

или:

«Необыкновенному сибирскому национальному писателю Ан. Сорокину:

Вы так бездон, Вы так крылат,
Вы возвели себя в квадрат
дружески принц Рунелло —
поэт мировой души».

Или вот, скажем, из футуристических импровизаций «антоносорокинистов»:

Стихи для сытых — лучшее варенье,
А я — поэт, голодный! —
Ем настроенья

(Сергей Орлов)

Звери дикие — слова мои,
Шерсть на них и рога

(Л. Мартынов)

И «солидное футуропосвящение С. Орлова Виктору Уфимцеву — будущему известному художнику: У Волковых волдыри от ожогов! Как чугунка, твоя голова

лись некоторые их автографы. Вот, скажем, интересный образец поэтического тренажа на рифмы, на ритмику:

У 100 «а» уста,
Как жалы алы,
А у неа уста
Устали жалить,
Стали стали подобны.

(Мамонтов)

И Шебалин — опыты в сфере образности: (Омск, январь 1920 г.)

Полночь, на улице темной
Машет пурга рукавом
Месяц, томительно скромный,
Сжался в неласковый ком.
Звонко скрипят тротуары,
Стынет больная пурга.
Где-то глухие удары:
Тешится Баба-Яга
Вылезла гадкая нечисть...

И понесла галопом
Антон Короля.
Безумная от гнева,
Летит с зловещим топом,
Летит с зловещим топом
Сквозь веси и поля.

И что несется справа
И слева в буре шумной?
То ночь ли в буре шумной,
А может быть то день? —
Летит дурная слава,
На ней Антон безумный,
На ней Король безумный,
Корона набекрень.

Кстати, если говорить о посвящениях Антону Сорокину, — только из них можно было бы составить интересную самостоятельную подборку автографов Л. Мартынова, Вс. Иванова, Г. Славина, отца и сына Оленичей-

Архивные странички

В. ШЕПЕЛЕВА

И снова Шебалин — послание: «Гордости культурной Сибири — Антону Сорокину.

Верю тебе, Люцифер новоявленный, верю,
Гений воистину ты, только с
другой стороны»

Но впрочем, что там несколько строк. Сохранилась солидная в 6 полновесных строф «Баллада о Антоне, Безумном короле»³ Эраста Чайникова — то бишь братьев Мартыновых, Вис. Шебалина и

Ник. Калмыкова.

Итак, «Баллада о(б) Антоне, Безумном короле»: За радостною славою,
Минуя город шумный,
Минуя город шумный
В сияющем огне,
Летит Король Лукавый,
Летит Антон Безумный
На вороном коне.

Гнененко, Е. Забелина и др., тем более, если учесть и критические замечания, отзывы, очерки, письма А. Сорокину, неизвестные и малоизвестные читателям.

Возвращаясь же к проблемам сорокинских дома — стихийного центра творческой интеллигенции — отметим, что идея писательской школы, очага профессионализации художников — одна из ведущих у А. Сорокина. В его своеобразном доме-клубе через широкий круг общения, соревнования, импровизации шел процесс непрерывных творческих исканий, проб, шлифовки мастерства, процесс нескончаемой работы воображения, ума, остроумия. Сохранились, например, результаты импровизации - состязаний: Л. Мартынова - Н. Калмыкова (того самого, о котором Л. Мартынов вспоминал как о самом талантливом среди творческой молодежи — поэта)

Уснул, согрешившись на диване,
Забавный беженец Пьеро,
Стол, чай недопитый в стакане
И недоеденный пирог.

Лежит английская фуражка,
Шинель на стуле у дверей.
Свою нетронутую шашку
Сломал и бросил в снег — аминь.
По-видимому, он скрывался
От тех, кто любит красный цвет...
03. 1921 г.

Это фрагмент цикла или поэмы «Из оснеженных эшелонов». Сохранилось и замечательное по поэтичности стихотворение Н. Калмыкова «5 часов»:

День медлит в комнате
и тихо умирает.
Вот час, что все цвета
и контуры стирает,
Час бледных сумерек
в тумане ноября.
Лишь золотым лучом
на миг еще горя,
На темном фоне стен
блестит багет эстампа.
Как несказанна грусть,
прекрасна и легка,
Как в этот тихий час мечтается,
пока
Еще не внесена приветливая лампа.

Не случайно как-то А. Сорокин, разбирая импровизации Н. Калмыкова, сказал и записал, обращаясь к остальным: «Учитесь!»

К сожалению, поэт погиб, погиб совсем молодым в уже, казалось бы, мирное время. А сколько мы потеряли в кровавом смерче гражданской войны... В 20-е годы Л. Мартынов писал: «Но стихи Георгия Маслова, участника колчаковского отступления... войдут в сибирскую литературу, потому что они прекрасны.»

Через сорокинский литклуб дошли к нам некоторые автографы Г. Маслова: посвящение А. Сорокину⁴, достаточно известное «Пора-страхнуть с души усталой Тоски и гнева тяжкий груз» (в данном случае ценно — есть автограф), фрагменты из будущей поэмы «Аврора»⁵

Разыщут Вас ли эти строки
В краю изгнания и разлук,
В Чите или Владивостоке,
Мой близкий,

Н. Мамонтов, Б. Шаблия, Ингер — Лесная — Кедрина — Черемшанова — Подгоричани, С. Марков, Вс. Иванов, отец и сын Оленичи — Гнененко, Г. Вяткин, П. Драверт и группа заезжих литераторов, наконец, А. Сорокин, — все это литературно-художественный мир Омска на переломе эпох, Омска 20-х годов, мир, донесенный до наших дней в немалой степени и старанием «милейшего Антона Семеновича», «короля писательского».

Ведь поистине удивительно: 1927 год — в Омске появляется Павел Васильев (позднее Б. Пастернак скажет о Васильеве: он был ровень с Есениным и Маяковским), а в начале 1928 г. А. Сорокин умирает, умирает вдаль от родины. И тем не менее: Васильевский автограф четверостишия из «божественного стихотворения «Бухта», с которого, по словам Е. Анучиной, «начался стремительный путь поэта в большую поэзию», оказался в архиве А. Сорокина. Как ни странно, но в 1983 г. на Первых Всесоюзных «Мартыновских чтениях» этот автограф (по его оглашению) не был признан Васильевским, хотя даже формальный подход — палеографический — свидетельствует: рука П. Васильева! А почерк у него удивительно стабилен: сравните автограф «Волн» 1923 г. (См.: Воспоминания о Павле Васильеве. Алма-Ата, 1989. Фото после стр. 272) и автограф «Бухты».

Приведем четверостишие с авторской пунктуацией:

Бухта тихая до дна напоена
Лунными иглистыми лучами,
И от этого мне кажется — она
Вздрагивает синими плечами
Павел Васильев.

Внизу листа шаржированный смазанный рисунок поэта — гения с крыльшками и стилем.

Многие ли из омичей знакомы с приведенными автографами? Вряд ли. Но разве справедливо это? Разве интереснейшие странички Омской истории не для омичей в первую голову? И еще, думаю, бесконечно прав П. Киреевский, — «отличительное, существенное свойство варварства — беспамятность... чувства собственного достоинства»

У Волковых волдыри от ожогов!
Как чугунок, твоя голова
Нагоплена жарко головнями
пылающих красок.
Тебе бы берлогу греть и топить
снега,
А критик, как ворон, одно
каркает, что футуризм — зараза.
Пусть Ты, брат, кистью-метлой
Вымети вздор академный за двери
своей мастерской.
А щели окон замажь акварелью.
Дыры бы крыш затапать
Картоном музейных картин.
Вместо вывески — лапоть
В стеклах твоих витрин.
Радостно смять жуть,
прорезать углом крик
Вот, буян, теперь пусть
посмотрят на твой косматый лик!

Любопытно, что в поэтическом
жанре пробовали себя в этой не-
формальной творческой организа-
ции и начинающий художник —
скульптор Ник. Мамонтов — «Ма-
монтыч» по Л. Мартынову² и бу-
дущий известный советский ком-
позитор Вис. Шебалин, Сохрани-

летит Антон безумный
На вороном коне.
А слава ускользя,
Хочет и хохочет,
Хочет и хохочет
И смех ее зловец:
— Смеюсь ему в глаза я,
— Чего ж безумный хочет,
— Чего ж безумный хочет,
— Пристав ко мне, как клещ?

Но так Антон вещает:
— Мне конь лихой наскучил,
— Мне конь лихой наскучил,
— Хочу идти с тобой!
А слава отвечает:
— Подобных много чучел,
— Подобных много чучел
— Гоняется за мной!

Услыша речь такую,
Антон подпрыгнул в гневе,
Антон подпрыгнул в гневе
Церковных выше глав,
Но плача и тоскуя,
На плечи пал он деве,
На плечи пал он деве,
Беглянку оседлав.
Обезумела дева
И понесла галопом,

о котом Л. Мартынов вспоминал
как о самом талантливым среди
творческой молодежи города),
Н. Подгоричани — Л. Мартынова
и т.д. В первом случае тема:
Пьеро (интеллигент, художник)
и гражданская война в России.
В результате у Л. Мартынова —
известный цикл «Мулен Руж», где,
в частности, —

Пьерро, Пьерро, манерный плакса,
Ты слышишь гул, ты слышишь
гром?
Ты слышишь, бьет тревожный
«максим»
Там, на холмах, за Иртышом...

И затем:
И этот бой покрыл былое,
И день настал — в иной стране.

А у Н. Калмыкова совсем
по-другому, Пьеро изнутри, не со
стороны, потерянный в жесточай-
шей круговерти гражданской вой-
ны интеллигент, — судьба доста-
точно типичная, когда «страна из-
гнания стала приютом благород-
ных муз» и вслед за тем:

в чите или владивостоке,
Мой близкий,
мой прекрасный друг.
Не Ваш ли взгляд меня, Аврора,
В беззвездье ледяном ведет...

А Игорь Славнин — поэт жесто-
чайшей по испытаниям судьбы и
тоже рано погибший? Благодаря
А. Сорокину, можно представить
эволюцию его поэтических и даже
политических позиций: от раннего
«Дикарь на бульваре»:
...Ах, пройти бы
Мозольными грязными лапами
По склоненным
нежным
хребтам⁶...

до высокой поэзии глубочайшего
прозрения: в эпоху колчаковщины:
И бродит тень,
Больная тень России,
А где-то явь
молитвенно горит.

И.Славнин, Н.Калмыков, С.Ор-
лов, Б.Жезлов, Ю.Сопов, Л.Савкин,
Е.Забелин, В.Грязнов, Б.Мельников,
Л. и Н. Мартыновы, В.Берников,
К.Худяков, К.Урманов, И.Ерошин,
В.Шебалин, Н.Аренс (Аристов),

В гостях у Антона Сорокина

В доме, где раньше жил А.Сорокин,
расположилась мастерская художника
В.Бичевого.

Ступеньки здесь и каменно, и узко
ведут наверх, как в храме Покрова.
А может нам откроется кутузка,
где за решеткой спрятаны слова?

И в полумраке лестничной площадки
стоим и ждем, вконец утомлены,
и каждый лик — подобие загадки
у мрачноватой лестничной стены...

Хозяин сам волнуется немного,
и нам волненья не преодолеть,
и потому неясная тревога
ему мешаят двери отпереть...

Но вот замок удачно расколдован.
И входим мы, взволнованно дыша
И был вопрос: «Антон Сорокин дома?»
А со стены: «Уехал, но душа...

Его душа осталась в этих стенах
безвыездно, сама себя томит.
А где-то там, в Москве, осталось тело,
оно уже ничем не прозвенит.»

Мы огляделись: не было погрома.
Но был ремонт: и ведра, и тазы,
и краскопульт валялись так знакомо.
И слышно было — тикали часы...

Вот здесь он жил, творил свои рассказы,
писал стихи, картины рисовал,
в ночной тиши рискованные проказы
задумывал, потом осуществлял...

Была ему просторной комнатенка.
Он был — король на троне из бумаг!
Его очков поблескивали стекла
не просто так, совсем не просто так...

В события он был накрепко завинчен.
Его душа томилась, начеку.
Играя роль, он был бутафоричен,
но — тридцать три скандала Колчаку!

Он был всегда в товарищах у ветра:
по три окна на север и на юг.
Уехал он за много километров,
где враг его и самый лучший друг...

Ну, а душа осталась в этих стенах.
И неспроста почудилось опять:
«Себя винил он в дружеских изменах
и сам себя поехал изменять...»

Стояли мы, молчанием внимая.
Но тут сказал Володя Бичевой:
«Теперь моя здесь будет мастерская,
вокруг меня — дух творчества его!»

Присели мы, уставшие с дороги,
а рядом стул легонько заскрипел...
И показалось: сам Антон Сорокин
взглянул на нас. И рядышком присел...

П.КОЗЛОВ

1979 г.

во варварства — беспамятство...
чувства собственного достоинства
нет без национальной гордости,
а национальной гордости нет без
национальной памяти». Тут, полагаю,
есть о чем задуматься всем
нам.

¹Речь о борьбе «цвета прогрес-
сивной молодежи» Омска, по словам
Л.Мартынова, с классицизмом 1 Си-
бирского Художественно - Промыш-
ленного Института (был некогда такой
в Омске, позднее: Художественно -
промышленный техникум им. Врубеля,
а ныне? — увь...).

²Кстати, по воспоминаниям Л.Мар-
тынова, Мамонтов ничего не писал,
кроме своих картин. Все-таки память -
вещь чрезвычайно субъективная.

³Эта «Баллада», конечно, — шарж,
пародия, но одна из сторон более чем
драматической судьбы Ан.Сорокина —
внешнее поверхностное и достаточно
распространенное впечатление о нем —
здесь уловлено верно.

Кстати, март 1919 г. — к этому
времени А.Сорокин уже издал явно
противоречивые, следовательно про-
тивоколчаковские, «Газету для куря-
щих», еженедельник «Сибиряк», гото-
вил сборник «Тююн-БООт», где раз-
мышлял о революции, о свободе, о тру-
довом братстве, о социализме, что выз-
вало к нему недвусмысленный интерес
1-го отдела Управляющего Омской об-
ластью и демарши «благонамеренной
литературной общественности» города.
Не потому ли и в послании речь о
«затронутых сердцах» и «терзаниях»
от «жесточкого огня» Антонова, кото-
рый и в «приюте благородных муз»
старался не дать успокоиться, спрята-
ться от действительности никому из
мыслящих, совестливых.

⁴3 марта 1910 г. Г.Маслов записал:
Не знаю, маниак или плут,
Но цели Вы достигли в мире,
И в вечер, хоть на 5 минут,
Но вспомнят «гения Сибири».
Вам все равно, сердца затронув,
В святую высь умчались Вы,
А нас жестокий огонь Антонов
Терзает с ног до головы.

⁵Поэма, к счастью, была каким-то
чудом спасена, сохранена и опублико-
вана в 1922 г. Ю.Тьянновым.

⁶Здесь, конечно, и юношеские фу-
турочудачества и, вместе с тем, видимо,
настрой строфы не будет до конца по-
нятен без учета условий жизни поэта.
в 1918 и 1919 гг. А.Сорокин писал об
отчаянно нищенствующих сибирских
писателях, «вынужденных творить вдо-
хновенные мысли по тюрьмам, по каба-
кам», имея в виду и Иг.Славнина.

Никольская войсковая казачья церковь

Кто же разрабатывал рабочие чертежи Никольской Церкви? Ответ мы находим только в рукописях Сулоцкого, так как другие материалы архивов, вероятно, утрачены. Известнейший историк церкви в Сибири и богослов писал: «... по поручению штаба Инженер - Подполковником Лещевым обще с Губернским Архитектором Праманом и сметы составлены Инженер - прапорщиком Новоселовым.»

В рабочем проекте была увеличена высота купола, простенки алтарных приделов в теплой церкви предполагалось сделать вместо деревянных каменными. Сметная стоимость постройки возросла с 80 000 до 119 990 рублей 98 копеек. Новый план был утвержден корпусным командиром Вельяминовым и Преосвященным Афонасием 29 июня 1833 года.

Огромный интерес представляет история строительства церкви, длившаяся десять лет. Попечителем храма был избран подполковник Александр Игнатьевич Симон, ктиторм - строителем подполковник Федор Дмитриевич Пахомов. Надзор за строительством здания был возложен на переведенного из Томска в Омск полевого инженер - поручика Лещева 2-го. Городовой архитектор Татаринов отказался от осуществления надзора, но принял в нем активное участие. 13 марта 1833 года был заключен подряд на постройку казачьей церкви крепостным крестьянином Нижегородской губернии Тарасом Лысаковым.

Михаилом Ивановичем Мягковым (1799 - 1852 гг). Художник был крепостным княгини Прозоровской, учился в императорской академии художеств под руководством А. Егорова. Звание академика исторической живописи М.И. Мягков получил за программу «Сцена из семейной жизни сибирских дикарей», его работы хранились в лучших собраниях России. Михаил Иванович работал преподавателем в Барнаульском горном училище. Он исполнил иконостас лучшей в Барнауле Дмитриевской церкви.

Вопрос о выборе живописца для исполнения икон в Никольскую церковь был решен очень быстро. Уже 21 декабря 1836 года академиком исторической портретной живописи был представлен рисунок на гербовой бумаге. Художник исполнил 19 икон: Большой иконостас — Тайная вечеря, Спаситель, Матерь Божия, 6 икон для церковных врат, в северные врата — Архангел Гавриил, в южные — Архангел Михаил, двенадцатые праздники в полукружьях; малый иконостас — Тайная вечеря, Спаситель и Матерь Божия — в северные и южные врата, в царские врата; две иконы — в алтарь.

Иконостас изготовлял цеховой мастер из Екатеринбурга Петр Батов с товарищами. Иконостасы были окончены к весне 1838 года.

Освещен храм был в июне 1840 года протоиереем Дмитрием Пономаревым. Освятили два престола теплой церкви: во имя Георгия Победоносца и Семеона Богоприимца.

По работы по украшению Никольской церкви еще проводились

Петра и Павла. В состав прихода входили жители этих поселков. Всего прихожан в 1913 году было 2594 человека — омичи, 615 жителей пос. Нового и 349 человек пос. Черемуховского.

4 сентября 1897 года при церкви была открыта 4-х классная школа для девочек. Здание для школы было построено в 1903 году. В ней училось около 80 девочек.

В приходе Никольской церкви находились войсковой приготовительный казачий пансион, два приходских Никольских училища — мужское и женское, Николаевское мужское училище и две казачьих школы в поселках Черемуховском и Новом.

Церковно - приходское попечительство при храме было открыто 11 декабря 1903 года.

Церковь также имела участки земли, сдававшиеся в аренду. Священнослужителей с 1900 года в Никольском храме было 7 человек. Капитал в пользу причта составлял 19 531 рубль 84 копейки.

Дальнейшая история Никольской войсковой церкви связана с событиями гражданской войны. В феврале 1918 года казаками Анненкова из храма было похищено знамя Ермака.

13 апреля 1919 года в Никольском храме состоялась панихида по генералу Корнилову. Лавр Георгиевич Корнилов - национальный герой, гордость русской армии, погиб в апреле 1918 года под Екатеринодаром. Особенно дорог этот человек омичам и Сибирским казакам, так как он являлся вы-

мен 12 (знамена казачьих полков), царских врат — 4, колоколов больших — 1, средних — 1, малых — 6...

Уже на следующий год возникли проблемы с регистрацией «Общины христиан православного исповедания при Омском Никольском соборе» и предоставлением помещения общине, так как группа «Живая церковь» пыталась взять в аренду все церкви города, и местное политическое руководство поддерживало эту группу.

Регистрация общины стоила около 10 000 рублей. Всего в ней было 119 человек. Упомянем несколько имён: Покровские Дмитрий Иванович и Стефанида Федоровна — почетные граждане Омска, Лазарева Вера Константиновна, Сорокина Лидия Дмитриевна — дворянки, Прозоровский Владимир Александрович — потомственный гражданин, Сергеев Иван Матвеевич — личный дворянин, Коченин Павел Фортунатович — генерал - майор, Федорова Мария Иннокентьевна — казачка...

В 1923 году было произведено очередное «изъятие ценностей в пользу голодающих» — серебряные ризы и др. Сейчас мы знаем, что деньги, полученные от конфискации церковного имущества, до голодающих не дошли, в Поволжье люди вымирали целыми семьями. (Упомянется церковная библиотека из 500 книг. Знамена воинских частей были переданы музею).

Так как предыдущее изъятие церковных ценностей производилось без протокола и теперь их по описи не доставало, 10 августа 1923 года был арестован староста Никольской общины Елисеев.

В конце 1923 — начале 1924 года священником Никольской церкви становится Александр Иванович Соловьев, с 1911 года служивший в Омском кафедральном соборе.

28 марта 1924 года «излишки» изымались милиционером 1 отделения Грабежовым.

Здание было полон абсурда. Имущество, в первую очередь, иконы, бесследно исчезло. 300 пудов колокольного звона отправились на саях в доменные печи Сталинской пятилетки. Кровля купола и колокольня разобраны, а над трапезной и притвором надстроены два этажа.

Здание церкви занимали управление культуры, музыкальная школа, управление кинофикации, кинотеатр «Победа» (над чем победа?).

С 1966 года здание не эксплуатировалось. На кирпичном покрытии купола выросла березка, церковь постепенно разрушалась.

В 1970 году появилось решение горисполкома о сносе здания Никольской церкви. Вспомним, что председателем горисполкома тогда был Бухтияров В.И., а его заместителем Грицевич Н.Г. Они опирались на заключение научных работников СибАДИ Толмачева К.Х., Чудновского Н.Н. Фромберга М.Л., Утробина В.И., утверждавших, что здание в аварийном состоянии и эксплуатировать его невозможно.

Против разрушения Храма выступили художник К.Щекотов, зав. отделом культуры горисполкома В.Чернышев, управляющий трестом Б.Карасиков и архитектор М.М.Хахаев.

В 1974 году был произведен ремонт фасада здания. Проектировщиками являлись Абжалимов Р.Ш., Мальцев В.С., Федоров А., Пастернак Б.

Окончание реставрации было ознменовано установлением креста 12 июля 1983 года.

В шар под крестом были заложены газеты с подписями на полях тех, кто принимал участие в реставрации: художника В.Десятова, архитектора М. Хахаева, органного мастера В.Якшина, строителей Н.Буркова, А.Цыганова, В.Касвинова, В.Меньшикова, Н.Берсенева, Б.Завьялова, А.Панова, С. Петрова, А.Ершова.

Как живет храм сегодня, когда в нем находится орган? Конечно.

наиболее сложным вопросом было утверждение выбранного места. Храм хотели построить на выгоревшей площади Казачьего форштадта, напротив войскового казачьего училища. Но областной начальник генерал Де-сент-Лоран отказал в данном месте, так как по высочайше утвержденному плану Омска здесь должна была быть площадь, а место для церкви отводилось в артиллерийской роще. Корпусный командир Вельяминов обратился к Государю Императору и место напротив училища было утверждено.

Закладка храма состоялась 15 мая 1833 года под руководством архитектора Татаринова.

К этому времени был восстановлен старый войсковой кирпичный завод, у крестьян Тарского уезда закуплено 750 штук кедрового леса, а на Ирбитской ярмарке железа на 12 500 рублей. Дикий камень был доставлен из Известкового редута.

Под руководством поручика Г. Лещева быстрыми темпами шла кладка стен собора. 25 сентября 1834 года храмовая часть была построена.

В это время командир Сибирского линейного казачьего полка генерал-майор Гордеев 2-й рапортовал начальнику штаба отдельного корпуса генерал-майору и кавалеру Броневскому, что из Петербурга выписаны рисунки для иконостаса. По свидетельству Сулоцкого «иконостасы были черчены Стасовым за 200 рублей.»

Чугунные плиты для пола и решетки для криласов были изготовлены на уральском Каменском заводе. В 1835 году за правильностью постройки следил инженер генерал-майор Степанов. В августе была начата кладка «аттиков и колоколни». Колокольня была достроена в 1836 году, на нее вела деревянная лестница.

В теплой церкви пол был каменный, в октябре 1836 года закончили настилку чугунного пола холодной церкви.

Долго и интересен процесс украшения Никольского храма. Иконы этой церкви были написаны выдающимся живописцем

Колодской церкви еще продолжались. 31 декабря 1839 года были разосланы приглашения для сбора пожертвований на окончание отделки храма. К 12 марта 1841 года было собрано 5 415 рублей 84 копейки, что позволило оплатить купленные на Ирбитской ярмарке и доставленные из Москвы купцом Корниловым иконы. По свидетельству Сулоцкого, иконы были написаны художником П. М. Скорospelовым в 1841-1844 годах.

Купол и шпиль были окрашены зеленой краской.

Медные кресты были пожертвованы заводчиком Яковлевым и вызолочены червонным золотом на Верхне-Исетском заводе дарителя.

Прихожанами Никольского храма были казаки Омска и соседних сел.

История Никольской казачьей церкви неразрывно связана с историей Сибирского казачьего войска.

Здесь благословляли отправляющихся на фронт воинов и служили панихиду по умершим. Здесь же крестили будущего военного инженера героического советского генерала Д.М.Карбышева. Основные жертвования поступали от казаков и священников, служивших в этом храме. Например, для Никольской церкви был пожертвован дом вдовою протоиерея Сулоцкого.

В 1883 году из города Березова в Омскую Никольскую церковь было передано Знамя Ермака, по преданию, подаренное ему Строгановыми перед походом в Сибирь.

Престолов в храме было три: главный — во имя Святителя и Чудотворца Николая, с южной стороны — во имя Семеона Богоприимца, и Анны Пророчицы и с северной — во имя великомученика и победоносца Георгия.

Информацию о Никольском храме начала XX века можно найти в книге о. Иоанна Голощукина «Справочная книга Омской епархии». Автор сообщает о том, что в храме имелась чтимая икона — список с чудотворной иконы Козельщанской Божией Матери. К церкви были приписаны две деревянные часовни: в поселке Черемуховском — во имя иконы Казанской Божией Матери и в поселке Новом — во имя св. Апостолов

казакам, так как он являлся выходцем из казачьей среды, окончил омский кадетский корпус. Каждому порядочному человеку был близок призыв Лавра Георгиевича: «Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, в храм, молите Господа Бога о явлении величайшего чуда — чуда спасения родимой земли.»

В конце июля 1919 года, в связи с приказом советского правительства о поголовном истреблении казачества, возникла необходимость созыва чрезвычайного казачьего круга. Речь шла о жизни и смерти целого слоя русского общества — сотен тысяч человек.

Открытие пятого чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска состоялось 7 августа 1919 г. молебном в Никольском соборе.

Трагический период в существовании Никольского храма начался с приходом в город советской власти. Уже в 1921 году церковная община храмом не владела.

Вот любопытный документ:

«Заявление.

Мы нижеподписавшиеся граждане прихожане Омского Никольского собора просим ликвидационную комиссию при Омгубюсте передать в наше безсрочное и бесплатное пользование богослужебное здание Никольского Казачьего собора находящееся по Республикской улице со всеми богослужебными предметами по особому составленной описи:

Михаил Степанович Елисеев
Григорий Савватьевич Перевалов.»

Договор на пользование зданием церкви был заключен 3 ноября 1921 г. Опись имущества дает представление о богатстве церкви (учтем при этом, что в 1919-1921 гг. государством производились конфискации храмовых ценностей).

Престолов деревянных было три, жертвенников — три, икон больших — 16, средних — 58, малых — 110, голгоф с крестами — 2, крестов запрестольных — 3, Божия Матерь — 2, хоругвей металлических — 6, зна-

Уже 18 апреля договор с общиной был расторгнут, а церковные облачения и другие предметы переданы во временное пользование в Пророко-Ильинскую церковь. Акт был подписан инструктором Адмотдела Пономаревым.

По отношению к общине производились разные провокации, например, члены общины без их согласия записывали в обновленческую общину. Все просьбы о возвращении храма оставались без ответа. Архив Никольского собора в 150 томах находился в подвале церкви. Серебро было сдано в Омгубфиноотдел.

Разграбленный храм пустовал, а община, состоящая в 1927 году из 31 человека, не имела помещения.

Обычные воры похищали мелкие вещи. А государство изымало ценности, например, большое Евангелие в серебряном окладе было оценено всего в 100 рублей, а речь, вероятно, шла о Евангелии, стоившем еще в 1830-х годах 1 000 рублей. Всего в описи 1927 года

12 наименований — серебро и ковры.

А в это время, исполняющий обязанности окрпрокурора Нилов посылает в Оккрадмотдел секретный запрос: «Почему расторгнут договор с Никольской общиной и ходатайство не рассматривается?» Аргумент в отказе был «веским» — здание не ремонтируется.

В сентябре 1928 года выяснилось, что в церкви устроен притон: все изорвано, поломано, разбросано, разграблено.

Община из 50 человек просила себе помещение. В ответ ей была предъявлена смета на 44 117 рублей 28 копеек и требование залога в 22 000 рублей. Конечно, такие запросы были нереальны и в октябре 1928 года общинники сообщили: «Внести залог 22 000 руб. мы не можем.»

Финалом этой тяжбы было решение Омского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 10 ноября 1928 г.: «Здание Казачьего собора... закрыть... передать под культурные нужды.»

Новый период в жизни зда-

нем находится орган? Конечно, католический музыкальный инструмент в православном храме выглядит нелепо. Но сейчас в здании проходят благотворительные концерты, круг Сибирского казачьего войска, работает воскресная религиозная - нравственная школа.

Но далеко не все благополучно со зданием церкви: штукатурный слой купола и барабана над храмом прорезали глубокие трещины. Сейчас специалистами СиБАДИ проводятся исследования причин возникновения трещин в соборе.

Изменился и внешний облик Никольского собора. Исчезли гирлянды — символ воинской славы под куполом — один из основных приемов декора стиля ампир, более массивными стали колонны, «юбка» у шпиля колоколни утратила свой изгиб. Но, несмотря на все изменения, он сохранил свое величие и гармонию. Отдадим же должное нашим предкам, создавшим столь замечательный храм: авторам проекта академику В.П. Стасову и подполковнику Лещеву с губернским архитектором Праманом, строителям: поручику Лещеву 2-му и крестьянину Т.Лысакову.

Наступил момент, когда нужно, восхитившись вдохновенным творением рук человеческих, попытаться спасти памятник нашей истории и архитектуры — создать новый проект реставрации и осуществить его.

Н.ЛЕБЕДЕВА,
искусствовед

От смешного до серьезного

Говорят: сатира обличает пороки общества. Правильно, конечно. Тем не менее, язык не поворачивается сказать: Николай Самохин обличал, бичевал, вскрывал язвы... Обличать, это скорее, стоя на высокой трибуне, самоуверенным пальцем указывать — это плохо, это безнравственно, это аморально...

Самохин никогда не взмывает таким орлом над своими героями. Он всегда рядом с ними. Любит или не любит, но рядом. И не оглуляет их на потеху публике. Разные люди в рассказах, есть и грубые, и жадные, и подленькие, но не шуты, которые то и дело наступают на грабли. А как часто мы встречаем у современных сатириков придурковатых Ивановых и Сидоровых с шишками на лбу от тех самых граблей. Эти сатирики как раз и обличают с трибуны. Чаше, стоя на голове, чтобы смешнее было. Своих героев они выращивают в пробирках, для сиюминутных целей. Вчера, чтобы поkritиковать сантехников — больше никого нельзя было. Ну, а сегодня обличительный диапазон широк: от Верховного Совета до отсутствия мыла в магазине. Однако и вчера и сегодня человек с его болями и горестями этой сатире абсолютно безразличен. Отсюда смех она вызывает или глупый или злой.

Лет десять назад, столкнувшись с книгами Николая Самохина, я недоумевал: почему эти умные, полные жизни, здорового юмора, живого языка рассказы не звучат с телеэкрана, их не исполняют по радио, редко печатают на 16-ой странице «Литгазеты». Позже я с горечью понял: Самохин просто — на просто не вписывается

в ту схему сатиры, которая господствует на наших сатирических высотах. Мне порой кажется, Антоша Чехонте, тем более Чехов, тоже навряд ли вписался в эту схему.

Николай Яковлевич Самохин родился в 1934 году на Алтае. Детство прошло в городе Кузнецке (ныне Новокузнецк), на его окраине, где был бы больше походил на сельский, чем на городской. Может быть поэтому, а может потому, что своими корнями Самохин уходит в крестьянский род, его мировосприятие в чем-то созвучно писателям — деревенщикам с их обостренным, некрикливым вниманием к человеку. В 1958 году Самохин окончил Новосибирский институт водного транспорта. Работал в проектно-институте, мастером на стройке, корреспондентом газеты «Вечерний Новосибирск», работал в журнале «Сибирские огни», собственным корреспондентом «Литературной газеты». И писал, писал, писал, создавая свой художественный мир, который вбирал в себя душу писателя и время, в котором творила душа.

Много раз Самохин был желанным гостем нашего города, последний — в 1987 году на литературном празднике «Омская зима». Уезжая домой, обещал обязательно приехать к нам еще. Но... В январе 1989 года жизнь Николая Яковлевича трагически оборвалась. Сердце писателя остановилось, а душа? Душа осталась на земле — в книгах, рассказах, повестях...

Сергей ПРОКОПЬЕВ

КУЛЬТПОХОД

— Все! — стукнул ладошкой по столу Миша Побойник. — Завтра же идем в театр!

— Верно! — поддержал его я. — А то живем, понимаешь, как свиньи. От всех веяний отстали. Два выходных нам дали, как людям. А мы куда их? То в «Подснежник», то в «Березку», то в «Незабудку», то в этот... как его.

— Точно... в этот, — покаянно моргнул Миша.

— Надо же — два года в театре не были!

— Я — три, — сказал Миша.

гом — на второй этаж, в буфет. Выпьем по стаканчику — и сюда, закусьвать.

— Ты что, тронулся? ! — вытаращил глаза Миша. — Там же дикая наценка. Театральная. В буфет ему, пижон, когда гастроном в трех шагах.

Мы кинулись к выходу.

— Браток! — сказал Миша, хватая гранадера за рукав. — Выпусти нас! Смотри — мы даже не одетые. Только доскочим тут в одно место — и сразу назад.

— Нельзя, не положено, — нахмурился гранадер.

— Нельзя, мальчики, — улыбнулась продавщица. — Запрещают нам здесь. Или ждите антракта, или поднимайтесь в буфет. Какая вам разница — блины-то все равно оттуда.

В буфете блинов оказалось навалом. Как это мы сразу не сообразили. Мы взяли по восемь штук.

— Елки-палки! — сказал Миша, расстроено глядя на наши полные тарелки. — Как же их теперь есть... без водки. Если бы сразу... А ну, сиди здесь, жди, я пойду, с этим усатым потолкую. Какая ему теперь разница — пос-

Закажите книги о народах Омской области и их культуре

Знаете ли вы, что в Омской области живут люди 80 национальностей? А что вам известно о заселении Среднего Прииртышья разными народами? И какова история сибирских казахов, коми, мордвы, латышей, немцев, русских, татар, чувашей, эстонцев и других национальных групп, поселившихся на омской земле? А какие народы живут на остальных землях Западной Сибири? Что, например, вы слышали об алтайцах, селькупках, манси, хантах, чулымских тюрках? А кто такие барабинцы, телеуты, кержаки? Известно ли вам, какие национальные процессы протекают сегодня среди этих народов и групп? А что вы знаете о красоте народной культуры? Знакомы ли вы со сказками, легендами, пословицами народов Сибири? Какие народные праздники знаете?

Если вы закажете книги серии «От Урала до Енисея» (Народы Западной Сибири), то получите ответы на эти и другие вопросы об истории, культуре и современной жизни народов Омской области и соседних регионов Сибири. Книги научно-популярные. Весь подготовленный материал не войдет в одну книгу. Их будет четыре. Издание иллюстрировано photographиями, рисунками, картами расселения народов Западной Сибири Омской области. Кроме того, мы хотим дать приложение со сказками этих народов.

Мы — это Омский университет и Омское областное отделение Все-

записанные вами народные сказки, мы также смогли бы поместить их в этой книжке. У нас уже есть часть записей таких рассказов, сделанных во время экспедиций.

Мы просим журналистов, учителей, работников культуры, краеведов, учащуюся молодежь и всех жителей помочь этой работе. Ждем ваших материалов. Давайте творить и возрождать историю и культуру нашей Сибири!

Книги этой серии будут в основном рассылаться по заказам и не поступят в магазины. Зато мы твердо гарантируем выполнение заказа.

Условие подписки следующие. Вы пересылаете почтовым переводом два рубля по адресу: 644099, г. Омск, ул. Гагарина, 22, Фонду культуры. Этим регистрационным (безвозвратным) взносом вы гарантируете себе получение книг серии наложенным платежом, помогаете быстро подготовить издание к печати и оказываете одновременно помощь культуре. Если вам необходимо более одного экземпляра книг этой серии, то соответственно за каждую дополнительную подписку вы должны выслать еще два рубля. Организации, учреждения, в том числе и библиотеки, могут также стать подписчиками этого издания, если перешлют указанные суммы в Фонд культуры.

Затем квитанцию о переводе двух или более рублей

— И никаких откладываний на завтра! — заявил я.

— Сегодня же пойдем. Немедленно!

Через какой-нибудь час — выбритые, отутюженные, при галстуках — мы, вытягивая от нетерпения шеи, медленно переступали ногами в солидной и воспитанной театральной очереди.

Билетерши в дверях не оказались. Вместо нее командовал усатый гренадер с обтянутыми ляжками. Он рвал билеты, а корешки колотил на трехгранный штык.

— Елки-палки! — от восхищения замотал головой Миша. — В «Березке» ты такое увидишь?!

— Хе! — сказал я. — Нашел, что вспомнить!

Дальше, в глубине вестибюля, стояли три румяные девушки в сарафанах, и средняя держала на вытянутых руках хлеб-соль.

Ну, девушек этих с хлебом-солью мы обошли. Черт его знает, может, председателя горисполкома ждут на спектакль, а мы тут выпремся.

Миша только, глотнув слюну, сказал:

— Между прочим, старик, с этой самодеятельностью мы сегодня остаемся без ужина. Чувствуешь?

— Чувствую, — огрызнулся я. — Говорил тебе: не возись со штанами. Сходил бы в неглаженных — не облез. Зато успели бы забежать в «Незабудку», перекусить.

Миша хотел что-то ответить, раскрыл рот и... оцепенел. Возле колонны четвертая девушка торговала настоящими блинами. Некоторые, загодя пришедшие зрители, уже наедались ими, держа в руках бумажные тарелочки.

— Еще есть время, — толкнул я застывшего Мишу. — Возьмем по парочке.

— Зачем по парочке, — очнулся Миша, — возьмем по четыре. Блины — это вещь... под водочку. Так они не идут.

— Господи — сказал я. — Что ты топчешься?! Давай тогда бе-

— Л ты будь человеком! — сказал Миша.

— Все, все! Через пять минут начало!

— Товарищи! — взмолился я. — Посмотри, из нашей форточки уже дым идет! — я ткнул пальцем в окно на какую-то дымящую трубу.

— Мы уютг дома забыли!
— Ладно, — сдился гренадер. — Только по-быстро.

... В театральном буфете, куда мы скоро прибежали, было уже проще. Два стакана томатного сока, хоп! хоп! — и тара подготовлена. Конечно, в домашних условиях делаешь по-другому: сначала льешь водку, а уже сверху томатный сок. Но в театре — не дома. Театр, в этом смысле, имеет свои недостатки.

— Ну, — сказал Миша, катнув под столом пустую бутылку. — Быстро вниз, а то блины расхватают.

Блины внизу не расхватили, однако продажу их уже закончили, поскольку звенел как раз третий звонок.

— Дочка! — отчаянным голосом сказал Миша. — Мы эту постановку уже видели. Там первое действие — мура, мы сразу на второе пойдем.

тановка так и так началась.

... Между предпоследним и последним антрактами Миша и гренадер сошлись возле дверей врукопашную — этот змей принципиально не хотел выпускать нас за третьей бутылкой...

Сейчас Миша лежит в больнице, с двойным переломом ноги. Он сломал ее, когда мы отступали по лестнице от гренадера и трех гусар, прибежавших ему на выручку.

Но духом Миша не упал.

Недавно я навестил его, отнес передачу. Разные там апельсины-мандарины и кое-что другое в банке из под сливового компота.

«Иди под окно». — написал мне Миша.

Я пошел. Миша стоял одной ногой на подоконнике, вцепившись руками в раму. Ждал меня.

— Ну, как, достал? ! — крикнул он через приоткрытую форточку. — Ага! Вот они! — я помахал толстой пачкой абонементов. — На весь сезон!

— Молоток! — похвалил меня Миша. — Смотри, без меня не ходи! Я скоро выпишусь!..

Николай САМОХИН.

Творческое объединение «Содружество» при Омском областном отделении Советского фонда культуры предлагает предприятиям и организациям города по безналичному расчету:

— персональные компьютеры класса РСАТ, совместимые с IBM, производства фирм США, Южной Кореи, Германии;

— копирующе-множительную технику в составе ксероксов «Canon», «Olivetti» производства фирм Япония, Италия 11 и 12-го форматов;

— запасные кассеты для указанных ксероксов;

— телефаксы производства западных фирм.

Объединение обеспечивает качественное проведение пусконаладочных работ и запуск в эксплуатацию указанной выше техники, а также производить заправку использованных кассет для ксероксов в Омске — по договорным ценам.

Сроки поставки — от двух недель до одного месяца в зависимости от вида техники и размера партии. Формы оплаты — предоплата.

Творческое объединение «Содружество» оказывает услуги и участвует в книго-

издательской деятельности, осуществляет реализацию произведений искусства всех направлений по договорным ценам, а также обеспечивает через пресс-бюллетень «Вестник культуры» предприятиям, организациям и кооперативам города рекламу выпускаемой ими продукции и услуг.

В первой книге мы расскажем о таких национальных группах населения, проживающих в Омской области, как русские, украинцы, немцы, татары, казахи, эстонцы, чуваша. Здесь же поместим общую главу о национальном составе населения Западной Сибири и подробнее — Омской области, а также 1-2 сказки этих народов.

Есть еще одна идея — написать книжку в данной серии с помощью наших читателей. В ней можно было бы рассказать о каких-то периодах или событиях из истории вашего народа или селения, поселка, города, о его культуре — праздниках, свадебных обрядах, национальной одежде, занятиях населения, о современных национально-культурных процессах, о славных людях вашего народа, наконец, о жизни и интересных судьбах старших поколений вашей семьи, о своих предках. А если вы пришлете

вы вкладываете в конверт вместе с письменной заявкой на издание. Заявку лучше всего написать на листе бумаги размером с почтовую открытку или на любой открытке. В ней нужно указать полностью фамилию, имя и отчество заказчика, ваш точный адрес и сделать приписку, что вы гарантируете оплату за получение книг наложенным платежом. Не забудьте поставить свою подпись и дату.

Высылать заявку нужно по адресу: 644077, г Омск-77, пр. Мира, 55-А, университет, кафедра этнографии, Томилову Николаю Аркадьевичу. На этот адрес можно присылать свои рассказы, очерки, фотографии, сказки для публикации.

Итак, ждем заказов, выход первой книги — в 1991 году.

Н.ТОМИЛОВ,

проректор Омского университета, председатель правления Омского Фонда культуры, профессор, доктор исторических наук.

**ОТВЕТСТВЕННЫЕ
ЗА ВЫПУСК:**

В.Н. ГЫДОВ — редактор,
П.Г. КОЗЛОВ — ответственный секретарь,
Г.В. СЕРЕБРЯКОВА — художник.

НАШ АДРЕС:

644099, Омск, ул. Коммунистическая, 22. Тел.: 24-43-22, 22-44-75.

Цена 50 коп.